

79-81

ВОЕННЫЙ

802-18

175-6-1

624

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

№ 8

АВГУСТЪ

1868

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВОДВОРЕНІЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(Статья первая.)

Въ большинствѣ случаевъ подробности каждаго дѣла начинаютъ горячо интересоваться и тщательно разбираться лишь тогда, когда дѣло кончилось или близко къ желаемому окончанію. Справедливость этой мысли, между прочимъ, подтвердилась въ исторіи нашихъ азіатскихъ пріобрѣтеній. Движеніе и водвореніе наше въ странѣ этой продолжается около трехсотъ лѣтъ сряду, а между тѣмъ ни покореніе всей Сибири, ни занятіе Киргизь-Кайсацкихъ степей, ни пріобрѣтеніе наше на устьяхъ Сыръ-Дарьи далеко не возбуждали такого интереса, какъ недавнее занятіе Туркестанскаго края. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что не малая доля такого участія къ нашему водворенію въ странахъ Средней Азій обусловливается въ значительной степени развившимся у насъ въ послѣднее время общественнымъ мнѣніемъ, начавшимъ горячо относиться вообще ко всѣмъ вопросамъ государственной политики; но несомнѣнно также и то, что интересъ къ средне-азіатскому вопросу сильно возбуждается именно возможностью близкаго его окончанія. И однакожь въ то самое время, когда горсть нашихъ войскъ, рядомъ блистательныхъ побѣдъ и безпримѣрныхъ трудовъ и лишеній, готова покончить съ неурядицей и варварствомъ средне-азіатскихъ ханствъ и проложить тамъ прочныя и безопасныя пути для водворенія гражданственности, общество наше имѣетъ весьма смутное понятіе о краѣ, которому, въ силу исторической необходимости, суждено въ близкомъ будущемъ войти въ границы русскаго царства и стать обширнымъ и прибыльнымъ рынкомъ для нашей торговли.

Винить за это кого-либо едва-ли можно. Въ послѣдніе годы движеніе наше въ Средней Азіи совершалось такъ быстро и такъ неожиданно, что не было возможности опредѣлить гдѣ мы остановимся и что будетъ границей нашихъ среднеазиатскихъ владѣній. Эта-то неопредѣленность главнымъ образомъ служила доселѣ препятствіемъ для составленія чего-либо полнаго и цѣльнаго о вновь приобрѣтенномъ нами краѣ. Между тѣмъ теперь, когда мы дошли до такихъ естественныхъ границъ, какъ снѣговья горы Тянь-Шана и когда о вновь занятомъ краѣ въ послѣднее время появилось въ нашей литературѣ достаточное число отдѣльныхъ монографій, можно, кажется, не рискуя впасть въ грубыя ошибки, попробовать представить возможно-полный очеркъ нашихъ среднеазиатскихъ владѣній. Такой очеркъ, по нашему мнѣнію, въ особенности необходимъ для военныхъ читателей: имъ принадлежитъ честь приобрѣтенія этого края; они, пока, главные здѣсь дѣятели, да вѣроятно и останутся такими долгое еще время; наконецъ, до тѣхъ поръ, пока ведется въ краѣ война, необходимо знать какъ и съ кѣмъ она ведется.

Все это побудило насъ составить настоящую статью, въ надеждѣ, что она будетъ не бесполезна для читателей „Военнаго Сборника“. Считаемо необходимымъ присовокупить, что статья наша не болѣе какъ скатая, систематическая компиляція изъ нѣсколькихъ сочиненій, появившихся въ послѣднее время въ нашей литературѣ (*). Даже такая компиляція, по нашему мнѣнію, будетъ полезна уже тѣмъ, что дастъ возможность, такъ-сказать, ориентироваться при чтеніи различныхъ статей о вновь занятомъ краѣ, появленіе которыхъ становится все чаще и чаще и, вѣроятно, современемъ, еще болѣе усилится. Въ своемъ мѣстѣ нами будутъ приведены ссылки на тѣ источники, изъ которыхъ мы черпали свѣдѣнія для нашей статьи; здѣсь же замѣтимъ, что, кромѣ сочиненій, упомянутыхъ выше, мы руководствовались еще лекціями „о Средней Азіи“, читанными въ нынѣшнемъ году въ Николаевской академіи генеральнаго штаба профессоромъ Макшеевымъ.

Относительно книги г. Романовскаго замѣтимъ, что сочине-

(*) Упомянуемъ изъ нихъ главнѣйшія: „Замѣтки по средне-азиатскому вопросу“. Соч. Д. И. Романовскаго (съ картою) 1868 г.; „Осада Ура-Тюпе и Джизака“, воспоминанія объ осенней экспедиціи въ 1866 году. Соч. г. Зиновьева („Русскій Вѣстникъ“ 1868 г., №№ 3 и 4) и другія.

ніе это заключаетъ въ себѣ несомнѣнный интересъ уже тѣмъ, что написано лицомъ, близко стоявшимъ у дѣла. Г. Романовскій около восьми мѣсяцевъ былъ туркестанскимъ военнымъ губернаторомъ и имѣлъ случай коротко познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ. Высказавъ съ полною откровенностью свой взглядъ на среднеазиатскій вопросъ, г. Романовскій, кромѣ того, пополнилъ свою книгу весьма интересными приложениями, состоящими изъ реляцій, вѣдомостей и пр., начиная съ 1860 по 1867 г.

Если трудъ г. Романовскаго безспорно представляетъ офиціальныи интересъ, то статья г. Зиновьева заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ необыкновенно живой разсказъ о будничной, ежедневной жизни нашихъ туркестанскихъ войскъ. До сихъ поръ, это, пока, единственная въ своемъ родѣ статья. По крайней мѣрѣ, намъ, кромѣ реляцій, ничего не случалось читать о здѣшнихъ сраженіяхъ и осадахъ городовъ. Намъ остается только желать, чтобы такихъ статей, какъ г. Зиновьева, являлось побольше и тогда изученіе новаго края даже издали будетъ болѣе легкимъ и до крайности интереснымъ дѣломъ.

Несмотря на то, что движеніе русскихъ на востокъ составляетъ одну изъ характерическихъ и важныхъ сторонъ нашей исторіи, и что, начавшись давно, оно продолжается и по настоящее время, общество наше мало знакомо съ нимъ и еще не уяснило себѣ ни побудительныхъ причинъ, ни цѣли, ни дальнѣйшей будущности этого движенія.

По этому поводу, профессоръ Макшеевъ, въ своихъ лекціяхъ о Средней Азіи, старается провести мысль, что движеніе это прямо вытекаетъ изъ тѣхъ географическихъ и этнографическихъ условій, въ которыхъ находится наше государство. Каждый народъ, говоритъ онъ, прежде всего зависитъ отъ занимаемой имъ территоріи: такъ, народы, поселившіеся въ горахъ, сложились вообще въ небольшія государства; напротивъ, населеніе равнинныхъ странъ стремится къ образованію обширныхъ государствъ, съ болѣе или менѣе опредѣленными естественными границами. Такое стремленіе замѣчается и въ русскомъ народѣ, съ самаго начала его исторіи. Постепенно, шагъ за шагомъ, мы придвигались или къ такимъ естественнымъ границамъ, какъ моря и

горы, или къ государствамъ прежде насъ окрѣпшувшимъ и сложившимся въ извѣстныхъ территоріальныхъ границахъ. Безостановочный просторъ такому движенію русскаго народа въ особенности открывался на нашихъ восточныхъ предѣлахъ. Ни естественныхъ преградъ, ни сильныхъ государствъ здѣсь не было, а глушь и приволье дѣвственныхъ лѣсовъ и безграничныхъ степей издавна уже манили сюда всякаго, кому по чему бы то ни было плохо жилось у себя дома. И вотъ какъ только было покончено съ монгольскимъ игомъ, потянули сюда сперва вольные люди новгородскіе, потомъ Ермакъ съ донскими удалцами, наконецъ въ послѣдствіи хлынула сюда цѣлая масса простонародья, недовольная закрѣпощеніемъ или различными новыми порядками на Руси.

Всѣ эти переселенцы, весь этотъ бѣжавшій русскій людъ не встрѣтилъ почти никакого сопротивленія со стороны туземныхъ жителей нашихъ восточныхъ странъ. Мягкость, уживчивость и чисто-демократическій складъ русскаго характера скорѣе возбуждали къ переселенцамъ симпатію, чѣмъ нерасположеніе. Взаимное довѣріе возстаивалось быстро и мы навсегда оставались въ разѣ занятомъ нами краѣ. Благодаря такому этнографическимъ особенностямъ, а также своему превосходству надъ инородцами въ культурномъ и религіозномъ отношеніяхъ, русскіе успѣваютъ не только мирно уживаться съ коренными жителями востока, но постепенно подчиняютъ ихъ своему нравственному вліянію.

Итакъ, по замѣчанію г. Макшеева, условія географическія и этнографическія были существенными и главными причинами нашего движенія въ Азію. Между тѣмъ, зная, что большая часть завоеваній европейскихъ государствъ въ другихъ частяхъ свѣта были сдѣланы въ силу экономическихъ или политическихъ побужденій, мы напрасно стали бы искать тѣхъ же причинъ въ нашемъ движеніи на востокъ. Ни то, ни другое сначала вовсе не входило въ наши виды. Занимая Сибирь, мы, конечно менѣе всего думали о неисчерпаемыхъ богатствахъ ея рудниковъ, послужившихъ въ послѣдствіи громадной отраслью нашей горной промышленности. Не было также у насъ и опредѣленныхъ политическихъ цѣлей при движеніи нашемъ на востокъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что движеніе это совершилось чисто по инициативѣ самого народа: правительству

осталось только идти за нимъ и своей властью упрочивать за Россію то, что занималось почти случайно, безъ особыхъ тратъ и усилій съ его стороны.

Какъ бы то ни было, постепенное занятіе земель Азіи даетъ намъ весьма выгодное положеніе.

Теперь совершенно въ нашей власти упрочить навсегда и наши восточныя границы, и наши торговые пути, ведущіе въ глубь Азіи, въ страны, обѣщающія для нашей торговли неисчислимыя выгоды, быть можетъ, въ весьма близкомъ будущемъ. Съ другой стороны, приблизясь къ первостепеннымъ азіатскимъ государствамъ, мы непосредственно становимся проводниками и руководителями европейской цивилизаціи и политики на востокъ, что также во многихъ отношеніяхъ для насъ весьма важно и знаменательно.

Такимъ образомъ движеніе русскихъ на востокъ, начавшись въ силу географическихъ и этнографическихъ побужденій, привело насъ къ чисто-политическимъ и экономическимъ результатамъ.

Обращаясь къ исторіи нашего движенія на востокъ, его можно раздѣлить на слѣдующіе три періода: 1) занятіе линій по рѣкамъ Уралу и Иртышу, 2) занятіе Киргисъ-Кайсацкихъ степей и 3) сношенія наши съ средне-азіатскими ханствами и занятіе Туркестанской области.

Для современнаго знакомства читателя съ послѣдними событіями въ туркестанскомъ краѣ, изъ этихъ трехъ періодовъ важнѣе всѣхъ послѣдній, и потому мы имъ по преимуществу и займемся. О первыхъ двухъ будемъ говорить только тогда, когда того потребуеть связь разсказа.

I.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѣДѢНІЯ О КРАѢ.

О Средней Азіи, съ той поры какъ мы стали быстро подвигаться къ ней, толкуютъ много; но вообще извѣстія объ этой странѣ крайне скудны и потому самыя сужденія о ней во многомъ неосновательны.

Вообще, подъ именемъ Средней Азіи разумѣютъ ханства: Хивинское, Бухарское и Коканское, и земли лежащія, въ верховьяхъ Аму-Дарьи; но для насъ важно собственно изученіе трехъ названныхъ нами ханствъ и вновь прибрѣтенныхъ зе-

мель Туркестанской области, недавно еще составлявшей часть коканскихъ владѣній.

Владѣнія названныхъ ханствъ занимаютъ часть обширной страны, извѣстной въ научномъ отношеніи подъ именемъ Арало-Каспійской низменности. Характеристическими чертами этой низменности служатъ почти сплошныя песчаныя степи, идущія отъ рѣки Урала, отъ Каспійскаго и Аральскаго морей на востокъ до озера Балхаша и отроговъ Небесныхъ горъ, и на югъ до горъ, лежащихъ на сѣверной границѣ Персіи. Среди этихъ степей, большею частью безводныхъ и бесплодныхъ, протекаютъ двѣ главнѣйшія рѣки: Аму и Сыръ-Дарья, впадающія въ Аральское море. По берегамъ ихъ и ихъ притоковъ залегаютъ оазисы въ высшей степени плодородныхъ земель, которые уже въ глубокой древности были густо заселены и привлекали сюда своими богатствами различныхъ завоевателей. Такъ, по рассказамъ греческихъ историковъ, сперва Киръ, царь персидскій, а потомъ Александръ Македонскій, доходили съ своими войсками не только до береговъ Аму, но и до Сыръ-Дарьи. Память объ этихъ нашествіяхъ и до сихъ поръ еще сохраняется въ народныхъ преданіяхъ и въ названіяхъ развалинъ городовъ Кирополя, Александрии и проч. Впрочемъ, хотя греки и послѣ смерти Александра Македонскаго владѣли еще здѣшнимъ краемъ болѣе двухъ столѣтій, но повидимому не успѣли утвердиться въ немъ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что край вскорѣ былъ занятъ сперва скинами, потомъ китайцами и затѣмъ, въ VIII вѣкѣ, арабами, которые связали здѣшнее населеніе страны магометанской религіей и внесли сюда сѣмена восточной образованности. Арабское владычество длилось здѣсь до тѣхъ поръ, пока, въ XIII вѣкѣ, страна не подпала подъ власть монголовъ при Чингисханѣ. Хотя, по смерти этого завоевателя, монархія его раздѣлилась и нынѣшнія средне-азіатскія владѣнія составляли не болѣе какъ Чингачіевскій улусъ, но въ концѣ XIV столѣтія, одному изъ потомковъ Чингиса, Тимуру, удалось снова соединить въ одно разрозненныя части чингисова царства и образовать великую монархію: ея средоточіемъ была нынѣшняя Бухарія съ столицею Самаркандомъ, которую Тимуръ сдѣлалъ центромъ учености и просвѣщенія всего Востока. Рядъ междоусобій и неурядицъ, начавшихся вскорѣ послѣ смерти Тимура, привели къ тому, что въ началѣ XVI вѣка одно

изъ тюркскихъ племенъ, зашедшихъ сюда еще съ полчищами Чингиса, именно узбеки, завладѣли Бухарой, изгнавъ оттуда правнука Тимурова, Батура. Съ этого времени узбеки продолжаютъ владѣть средне-азіатскими ханствами и по настоящее время. Съ водвореніемъ узбековъ, образованіе въ странѣ начало видимо падать и лишь уцѣлѣвшіе развалины значительныхъ городовъ свидѣтельствуютъ о прежнемъ процвѣтаніи края.

Такимъ образомъ описываемою нами страной послѣдовательно владѣли персы, греки, скины, арабы и монголы. Само собою, что это должно было отразиться какъ на этнографическомъ составѣ здѣшняго населенія, такъ и на образѣ его жизни и занятій.

Но прежде чѣмъ группировать жителей по ихъ народностямъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о географическихъ особенностяхъ страны, ибо данныя эти, какъ извѣстно, болѣе всего имѣютъ вліяніе на образъ жизни и занятія мѣстнаго населенія.

II.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѣДѢНІЯ О КРАѢ.

Пространство земли, лежащее къ востоку и югу отъ Урала, Иртыша и Каспійскаго моря, на протяженіи тысячъ верстъ съ одной стороны до границъ Персіи, а съ другой до верховій Сыра и Аму-Дарьи, разстилается необозримою равниною, въ весьма немногихъ только мѣстахъ перерѣзанною незначительными хребтами и рѣчками; на остальномъ же, несравненно большемъ пространствѣ, пустынно, безводно и мѣстами покрыто песками на сотни верстъ. Только юго-восточная и южная окраины обширнаго равниннаго пространства, куда проникаютъ отроги ограничивающихъ его съ востока и юга Тянь-Шана и Гинду-Куша, представляютъ всѣ условія, необходимыя для осѣдлой жизни. На этихъ окраинахъ, особенно вблизи Тянь Шана, въ верховьяхъ рѣкъ Или, Чу, Сыръ-Дарьи и другихъ являются мѣстности живописныя и богато надѣленные природою. Таковы окрестности Алматы (Вѣрнаго), Ташкента, Ходжента и другихъ. Всѣ онѣ весьма замѣчательны плодородіемъ почвы, роскошною растительностію и минеральными богатствами. Но и здѣсь такія мѣстности отдѣляются одна отъ другой, иногда на значительныя разстоянія, или безводными степями, или горами безъ всякой растительно-

сти. Чѣмъ далѣе къ западу и сѣверу отъ Тянь-Шана и Гинду-Куша, тѣмъ плодородные оазисы встрѣчаются рѣже. Даже долины двухъ главныхъ рѣкъ края, Сыра и Аму-Дарьи, удобны для заселенія лишь на недалеое разстояніе отъ своихъ береговъ, въ низовьяхъ Сырь-Дарьи не далѣе 5, 10 и много 15 верстѣ. Все остальное пространство, какъ заключающееся между персидскою границею, Каспійскимъ и Аральскимъ морями, такъ и къ сѣверу отъ Сырь-Дарьи—наши киргизскія степи—годны лишь для кочевковъ. Если здѣсь кое-гдѣ и встрѣчаются мѣста, возможные для заселенія, то осѣдность можетъ утвердиться на нихъ только послѣ большихъ жертвъ и многихъ трудовъ. Большая часть степей, лежащихъ даже на значительной широтѣ, отличается весьма суровыми зимами и нерѣдко подвержена сильнымъ выюгамъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, характеристика страны, извѣстной подъ именемъ Арало-Каспійской низменности, гдѣ расположены средне-азиатскія ханства и наши тамошнія владѣнія. Переходя къ частностямъ, необходимо сообщить нѣкоторыя данныя о рѣкѣ Сырь-Дарьѣ, объ Аральскомъ морѣ и о горахъ, находящихся собственно въ нашихъ предѣлахъ, такъ какъ, въ сущности, мѣста эти и составляютъ главные районы нашихъ владѣній; притомъ, Аральское море и рѣка Сырь-Дарья имѣютъ для насъ и торговое значеніе (*).

Начнемъ съ Аральскаго моря. Первые намеки о существованіи его появляются у европейскихъ путешественниковъ не ранѣе XVI вѣка. Русскіе, впрочемъ, давно уже знали о существованіи этого моря, называя его „Сиянимъ“, но болѣе вѣрныя свѣдѣнія о немъ были собраны лишь въ послѣднія тридцать лѣтъ.

Аральское море, заключающа въ себѣ площадь въ тысячу квадратныхъ географическихъ миль, принадлежитъ къ числу бурныхъ и безпокойныхъ. Для успѣшнаго плаванія по немъ, нужны мелкосидяція суда. Хорошихъ якорныхъ стоянокъ, закрытыхъ отъ всѣхъ вѣтровъ, почти нѣтъ. Берега представляютъ совершенную пустыню, и лѣтомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ югозападнаго и южнаго, они вовсе необитаемы. Зимой же киргизскія кочевки встрѣчаются по сѣверному и восточному берегамъ, также на прилежащихъ къ нимъ островахъ. Сѣверный берегъ моря низменъ и песчанъ.

(*). Объ Аральскомъ морѣ и Сырь-Дарьѣ см. статью г. Зыкова въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1862 г., № 6.

Къ нему примыкаютъ пески „Большіе и Малые Барсуки“. Западный берегъ очерченъ обрывомъ почти безводной плоской возвышенности „Усть-Урта“. Южный берегъ низменъ и состоитъ изъ наноснаго песку, поросшаго камышемъ. Восточный берегъ, къ которому примыкаютъ, сѣвернѣе Сырь-Дарьи пески Кара-Кумъ, а южнѣе этой рѣки пески Кизиль-Кумъ, вообще низменъ, извилистъ, песчанъ и покрытъ кустарникомъ и камышемъ.

Судоходство наше на Аральскомъ морѣ началось съ 1847 года; но о нашей аральской флотилии мы скажемъ впослѣдствіи.

Рѣка Сырь-Дарья беретъ начало нѣсколькими источниками (главнѣйшій Нарынъ) изъ снѣговыхъ горъ Тянь-Шана (Небесныя горы), недалеко отъ озера Иссыкъ-Куль, слѣдовательно въ нашихъ предѣлахъ. Рѣка Сырь, пройдя укрѣпленіе Нау, направляется сперва на сѣверо-западъ, а потомъ на западъ къ Аральскому морю, расходуясь на значительное число рукавовъ, разливовъ и иригаціонныхъ канавъ, принимая въ себя взамѣнъ этого лишь одну горную рѣчку Чирчикъ, возлѣ которой расположенъ г. Ташкентъ. Ширина, глубина и быстрота теченія различны; вообще говоря, Сырь-Дарья течетъ въ глубокомъ и круто-береговомъ корытѣ, что, однакъ, не мѣшаетъ мѣстами, особенно во время низшей воды, встрѣчаться мелямъ. Послѣднихъ особенно много въ Джаманъ-Дарьѣ и въ устьяхъ Сыра (*). Вода въ рѣкѣ Сырь, отъ песчано-илистаго грунта дна, бываетъ постоянно мутна, но довольно скоро отстаивается, совершенно прѣсна и не производитъ никакого вреднаго вліянія на здоровье не только туземцевъ, но даже вновь прибывающихъ. Сырь-Дарья, какъ и Аральское море, богато рыбою, но рыбнымъ промысломъ пока занимаются весьма мало.

Характеръ мѣстности бассейна Сырь-Дарьи обусловливается вліяніемъ на нея водъ. Тамъ, гдѣ берега рѣки или ея рукавовъ весьма низменны, образуются постоянные разливы, заросшіе сплошь высокимъ и густымъ камышемъ, или болота. Такихъ болотъ особенно много по обоимъ берегамъ Сыра, на пространствѣ между фортомъ Перовскій и фортомъ № 2-й. Берега не очень низменные, затопляются только по време-

(*). Джаманъ-Дарьей (Дурная рѣка) называется часть рѣки Сыра отъ верховья до устья притока Кара-Узникъ, пространство между фортомъ Перовскій и фортомъ № 2-го.

намъ и составляютъ луговые мѣста, тучно удобренные рѣчнымъ иломъ. Такія мѣста встрѣчаются полосами, болѣе или менѣе широкими, по обѣимъ сторонамъ Сыра и его рукавовъ. Мѣста вовсе неподверженныя наводненію образуютъ солонцоватыя степи, на которыхъ не растетъ почти ничего (голодные степи). Пашни могутъ быть какъ на луговыхъ мѣстахъ, такъ и на солонцоватыхъ степяхъ, лишь бы мѣстность была удобна для искусственнаго орошенія арыками (*). Замѣчено, что на солонцоватыхъ земляхъ хлѣбъ родится даже лучше, чѣмъ на луговыхъ.

Кромѣ описанныхъ родовъ мѣстности, по бассейну р. Сыръ встрѣчаются значительныя пространства песковъ. Главнѣйшіе изъ нихъ Кара-Кумъ и Кизиль-Кумъ. По Кара-Куму проходитъ главный торговый путь изъ Россіи и потому объ этихъ пескахъ скажемъ нѣсколько подробнѣе.

Пески Кара-Кума отъ праваго берега р. Сыра тянутся на сѣверъ до самаго почти озера Челкара, занимая, такимъ образомъ, до 250 верстъ въ длину и мѣстами достигаютъ до 200 верстъ ширины. Пространство это покрыто болѣею частью сыпучими и бугристыми песками, которые перемежаются солончаками. Здѣсь нѣтъ ни одной рѣчки, ни одного прѣснаго озера, и вода, годная для употребленія, добывается исключительно изъ колодцевъ и копаней, вырываемыхъ обыкновенно въ небольшихъ котловинахъ среди бархановъ или сыпучихъ песчаныхъ бугровъ. Доступы черезъ барханы весьма затруднительны и для повозокъ почти невозможны. Тѣмъ не менѣе, караванный путь, идущій чрезъ эту степь, былъ проложенъ давно и онъ безспорно лучшій во всѣхъ отношеніяхъ для сообщенія низовья р. Сыра съ Россіею. Онъ идетъ болѣею частью по солонцоватымъ долинамъ и только въ немногихъ мѣстахъ захватываетъ пески; копани же встрѣчаются на каждомъ переходѣ въ довольно значительномъ числѣ.

Къ востоку отъ песковъ Кара-Кума, вплоть до озера Балхашъ, тянется широкая полоса солонцоватой степи, извѣстной подъ именемъ „Голодной“. По ней, хотя и съ трудомъ, проходятъ караваны въ Троицкъ и Петропавловскъ.

Относительно песковъ надобно замѣтить, что несмотря на свою чрезвычайно скудную природу, они представляютъ гораздо болѣе удобствъ для кочевковъ, чѣмъ солонцоватыя степи.

(*) Арыки—иригаціонныя или оросительныя каналы.

Въ пескахъ, вырывая копани, почти всегда можно найти воду, годную для употребленія; солонцоватыя же степи болѣею частью безводны, и если среди ихъ встрѣчается вода, то всегда на значительной глубинѣ и притомъ чрезвычайно дурнаго качества. Въ пескахъ есть даже травы, годныя для корма лошадей; солонцоватыя степи представляютъ только пастбища для верблюдовъ. Кромѣ того, пески доставляютъ своими буграми хорошее прикрытіе для лошадей и для скота отъ зимнихъ бурановъ, и по этимъ причинамъ песчаныя степи считаются здѣсь вообще мѣстами удобными для зимовокъ.

Скажемъ теперь о горныхъ мѣстностяхъ нашего туркестанскаго края. Горы эти почти вовсе не изслѣдованы и потому о нихъ пока можно говорить лишь въ общихъ чертахъ.

Главныя горныя пространства залегаютъ на юго-востокѣ края. Самый важный хребетъ, до котораго мы здѣсь дошли—это Тянь-Шань, или Небесныя горы. Начавшись въ глубинѣ китайской имперіи, Тянь-Шань входитъ въ наши предѣлы двумя главнѣйшими хребтами. Одинъ изъ нихъ, сѣверный, обогнувъ озеро Иссык-Куль, направляется на западъ къ среднимъ частямъ Сыръ-Дарьи. Другой хребетъ, южный, взявъ направленіе на юго-западъ, идетъ на соединеніе съ другими горными системами средней Азіи, Болоромъ. Обѣ эти вѣтви Тянь-Шана образуютъ общую глубокую долину рр. Нарына и Сыръ-Дарьи. Постепенно расходясь между собою къ западу, обѣ части Тянь-Шана сами развѣтвляются и наполняютъ горами и ущельями всю долину Нарына и верхней Сыръ-Дарьи. Полагаютъ, что продолженіемъ главной оси Тянь-Шана служитъ снѣжный хребетъ Александровскій, раздѣляющій систему р. Сыръ-Дарьи отъ системъ рр. Чу и Таласа. Наибольшей высоты Тянь-Шань достигаетъ въ предѣлахъ китайской имперіи (21,000 футовъ); здѣсь мало горныхъ проходовъ, да и тѣ поднимаются за предѣлы вѣчнаго снѣга.

По мѣрѣ движенія на западъ, высота Тянь-Шана понижается, хотя и здѣсь мѣстами она все еще значительна. Такъ, цѣпь Александровскихъ горъ, какъ мы уже сказали, составляющихъ продолженіе главной оси Тянь-Шана, достигаетъ до 15,000 футовъ высоты (*). Какъ бы продолженіемъ Тянь-Шана служитъ хребетъ *Kara-tau*, идущій на сѣверо-западъ отъ Александровскаго хребта, по направленію къ форту Джу-

(*) Между верховьями р. Таласа и укрѣпленіемъ Ауліата.

лекъ. Характеръ же южной цѣпи Тянь-Шана, проходящей на югъ отъ р. Нарына, нѣсколько иной. Полагаютъ, что она гораздо ниже сѣвернаго хребта Тянь-Шана и не болѣе какъ соединительная вѣтвь его съ Балоромъ (*).

Паралельно Тянь-Шану, и какъ бы продолженіемъ его, на западъ отъ Болора идетъ второстепенный, хотя мѣстами и снѣжный, хребетъ *Кашгаръ-Даванъ*. Часть этого хребта служитъ южною границею нашихъ туркестанскихъ владѣній и отдѣляя отъ себя на западъ вѣтви горъ Самаркандъ-Тау и Нура-Тау, раздѣляетъ такимъ образомъ бассейнъ р. Сыра отъ долины Заровшана.

Какъ бы то ни было, но пока намъ болѣе извѣстны горные хребты, отдѣляющіе насъ отъ Кашгара или Малой Бухаріи. По собраннымъ свѣдѣніямъ, система Тянь-Шана здѣсь не можетъ служить серьезнымъ препятствіемъ для нашихъ сношеній съ сосѣдними странами. Тутъ много ущелій, удобныхъ не только для прохода вьючныхъ каравановъ, но есть и такия, которыя весьма легко могутъ быть разработаны даже въ колесные пути. Притомъ на этихъ путяхъ не можетъ встрѣтиться недостатка ни въ кормѣ, ни въ водѣ, ни въ топливѣ. Лучшіе и кратчайшіе пути изъ Россіи чрезъ Тянь-Шанъ проходятъ мимо западной оконечности Исыкъ-Куля.

Если справедливо, что другія горныя системы, окружающія Кашгарію съ другихъ ея сторонъ, западной и южной, столь суровы, что имѣютъ самое ограниченное число переваловъ, да и то самыхъ трудныхъ, то положеніе Россіи относительно Кашгаріи можетъ считаться весьма выгоднымъ, ибо, какъ мы сейчасъ сказали, наши торговые караваны не могутъ встрѣтить затрудненій въ горахъ Тянь-Шани.

Кромѣ описанныхъ горныхъ хребтовъ, заслуживаютъ еще вниманія горы Боролдай, одинъ изъ южныхъ отроговъ Александровскаго хребта. Только-что названныя горы, а также хребетъ Кара-тау, важны по открытымъ въ нихъ богатымъ мѣсторожденіямъ каменнаго угля, свинцовыхъ и желѣзныхъ рудъ. Горные районы Туркестанской области самыя благодатныя мѣста въ здѣшнемъ краѣ. Лѣтомъ все кочевое и значительная часть осѣдлаго населенія уходитъ въ горы и расселяется по ущельямъ ихъ далеко, въ самую глубь. Въ долинахъ

(*). Свѣдѣнія о Тянь-Шанѣ нами взяты изъ рекогносцировки г. Прозенки, произведенной имъ въ 1862 г.

и на возвышенныхъ плоскостяхъ закипаетъ самая оживленная жизнь не только кочевниковъ, но и землепашцевъ. Развитію и распространенію хлѣбопашества въ горахъ способствуетъ здѣшнее многоводье. Какъ мы видѣли, и въ степныхъ мѣстахъ земли, удобной для хлѣбопашества, много, но нѣтъ воды для орошенія полей. Въ горахъ же хлѣбъ родится безъ искусственнаго орошенія земли: дождей и росы совершенно достаточно для ея увлаженія, слѣдовательно и для хорошаго урожая. А такъ какъ въ горахъ земли удобной подъ хлѣбопашество много, то оно и развито здѣсь болѣе другихъ промысловъ.

III.

этнографическія свѣдѣнія о краѣ.

Выше было замѣчено, что Средней Азіей послѣдовательно владѣли персы, греки, арабы и монголы. Въ настоящее время, отъ всѣхъ этихъ народовъ, кромѣ аборигеновъ страны, таджиковъ или сартовъ, находятся здѣсь въ значительномъ числѣ только монголо-тюркскія племена; арабовъ же и персовъ весьма немного.

Въ теперешнемъ своемъ составѣ жители Средней Азіи, въ этнографическомъ отношеніи, дѣлятся на слѣдующія группы:

1) *Таджики* или *сарты*. Считаются отраслью древнихъ персовъ, зашедшихъ сюда еще задолго до похода Кира. Въ Ташкентѣ и въ Хивинскомъ ханствѣ они говорятъ теперь джагатайскимъ нарѣчіемъ тюркскаго языка и называются *сартами*; въ задарьинскомъ же краѣ (*), равно какъ въ Бухарскомъ и Хивинскомъ ханствахъ, сохранили еще нарѣчіе персидскаго языка. На городскихъ базарахъ задарьинскаго края можно встрѣтить иногда мало извѣстныхъ горныхъ таджиковъ, которыхъ здѣсь называютъ разными именами (мача, галча и др.).

Таджики, или сарты, въ строгомъ смыслѣ, одни составляютъ осѣдлое населеніе края (**).

2) *Монголо-тюркскія* племена образовались изъ обломковъ чингисхановыхъ полчищъ. Они почти всѣ кочевники. Кочевое населеніе Средней Азіи раздѣляется на поколѣнія, роды, отдѣленія и аулы. Родовыя отношенія среди тюркскихъ народовъ играютъ въ общественной ихъ жизни весьма важную роль,

(*) Пространство земли по южную или лѣвую сторону Сыръ-Дарьи, отъ Ходжента до Бухары включительно.

(**) О таджикахъ см. подробно статью г. Южакова, „Отечественныя Записки“ 1867 г., июль, кн. 2-я.

но такія отношенія должнымъ образомъ еще не изучены и не разобраны; вслѣдствіе этого, часто роды смѣшиваются съ поколѣніями и проч., отчего по необходимости приходится отказываться отъ подробностей и ограничиваться указаніемъ только крупныхъ подраздѣленій кочевниковъ, и то въ общихъ чертахъ. Эти подраздѣленія слѣдующія:

а) *Узбеки*, покоривъ Среднюю Азію, поселились въ городахъ; но часть ихъ кочуетъ, и часть живетъ осѣдло. Тамъ, гдѣ сарты живутъ вмѣстѣ съ узбеками, первые занимаютъ центръ городовъ или селеній, а послѣдніе держатся предмѣстій или окраинъ поселеній, чтобы удобнѣе было откочевывать лѣтомъ. Разница между сартами и узбеками заключается въ томъ, что первые чрезвычайно изысканны въ обращеніи, до крайности хитры, трусливы и проникнуты духомъ мелкаго торгашества, что дѣлаетъ ихъ весьма похожими на евреевъ. Узбеки, напротивъ, храбры, грубы и честны. Они составляютъ господствующее племя въ Средней Азіи, хотя не вездѣ числительностью превосходятъ сартовъ. Всѣ почти ханы, беки и другія высшія должностныя лица узбекскаго происхожденія.

б) *Туркмены* живутъ между р. Аму и Каспійскимъ моремъ. Въ сущности они ни отъ кого не зависятъ и ни чьей власти надъ собой не признаютъ. У нихъ нѣтъ ни правителей, ни подданныхъ, есть только аульные старшины. Туркмены нѣсколько разъ просили Россію о подданствѣ, но просьбы ихъ не были уважены, потому что исходили только отъ нѣкоторыхъ туркменскихъ старшинъ, которыхъ туркменскій народъ вовсе не уполномочивалъ на такую просьбу, и которые, въ сущности, хлопотали только ради своихъ личныхъ выгодъ. Между отдѣльными родами, на которые дѣлятся туркмены, постоянная борьба, и никакой связи не существуетъ. Современемъ, когда намъ удалось устроить свои факторіи на берегу Каспійскаго моря, туркмены неизбѣжно сдѣлаются нашими подданными.

Уводъ въ плѣнъ персіянъ въ настоящее время составляетъ спеціальнѣйшій промыселъ туркменовъ. Земледѣіемъ занимаются немногіе. Всѣхъ туркменовъ считается до 600,000 человекъ.

в) *Кара-калпаки* въ XVIII вѣкѣ кочевали въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, но были отсюда вытѣснены киргизами и теперь кочуютъ въ сѣверныхъ частяхъ Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ.

Незначительная часть ихъ подчинена намъ. Кара-калпаки бѣдны, имѣютъ мало скота и занимаются земледѣіемъ.

г) *Киргизъ-кайсаки* или *казаки*. Раздѣляются на Малую, Среднюю и Большую орды. Первые двѣ подчинены намъ съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, а послѣдняя только съ 1846 г. Кочуютъ въ степяхъ Оренбургскаго, Сибирскаго и Туркестанскаго военныхъ округовъ. Въ послѣднемъ округѣ киргизъ-кайсаковъ насчитываютъ до 580,000 душъ. Это, по преимуществу, киргизы Большой и Малой орды, о чемъ будетъ сказано ниже.

д) *Кара-Киргизы*, или *дика-каменные* (кипчаки), кочуютъ въ Коканскомъ ханствѣ и въ нашихъ владѣніяхъ, около озера Иссыкъ-Куль и по верховьямъ р. Чу. Въ наше подданство начали переходить въ послѣднее десятилѣтіе.

е) *Кураминцы*, или *курамы*. Курамою зовется вся мѣстность на югъ отъ р. Чирчика и до Ходжента и на западъ до Сыръ-Дарьи. На этой-то мѣстности, по длинѣ р. Ангрена, и живутъ кураминцы (*). Населеніе это, какъ предполагаютъ, составило лѣтъ сто тому назадъ изъ кочевыхъ киргизовъ всѣхъ трехъ ордъ. Находясь въ крайней бѣдности и не имѣя средствъ кочевать, они стали селиться близъ сартовъ въ *курахъ* (загороды) и занимаются по возможности хлѣбопашествомъ.

з) *Арабы* кочуютъ въ сѣверной части Бухарскаго ханства, около Самарканда. Ихъ немного. Говорятъ испорченнымъ арабскимъ языкомъ.

4) *Персы* большею частью плѣнные. Составляютъ постоянныя войска въ ханствахъ.

5) *Евреи* живутъ въ городахъ, занимаются мелкою торговлею; въ страшномъ загонѣ у туземцовъ.

6) *Индійцы*—здѣшніе ростовщики и банкиры.

7) *Бывлые русскіе* служатъ въ ханскихъ войскахъ, пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Итакъ, жители по образу занятій могутъ быть раздѣлены на *осѣдлыхъ*, *полuosѣдлыхъ* и *кочевыхъ*. Первые живутъ въ городахъ и селеніяхъ и занимаются садоводствомъ, ремеслами и торговлею; послѣдніе кочуютъ въ кибиткахъ, соединяющихся въ аулы, и занимаются не только скотоводствомъ, но въ значительной степени также хлѣбопашествомъ.

Между городами и селеніями здѣсь нѣтъ опредѣленнаго различія въ экономическомъ смыслѣ, потому что занятія жителей

(*) См. „Русскій Инвалидъ“ 1868 г., № 112.

и тѣхъ и другихъ однѣ и тѣ же; почти во всѣхъ осѣдлыхъ пунктахъ, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ, или *кышлаковъ*, есть базары.

Какъ мы видѣли, осѣдлое населеніе края составляютъ, въ строгомъ смыслѣ, таджики или сарты. Курама и узбеки хотя и живутъ также въ городахъ и селеніяхъ, но иногда переселяются въ кибитки или юрты; затѣмъ киргизъ-казаки, кара-киргизы, кара-калпаки и арабы живутъ постоянно въ кибиткахъ.

Общее число жителей въ Средней Азій считалось около 6 милліоновъ. Изъ этого числа въ нашемъ Туркестанскомъ военномъ округѣ около милліона туземнаго населенія и только до 50,000 русскихъ (*).

Нужно замѣтить, что свѣдѣнія о числѣ жителей въ Средней Азій вообще гадательны: мусульмане не допускаютъ ни личныхъ податей, ни поименной переписи; остается одно: по числу дворовъ или кибитокъ судить о цифрѣ населенія. Но замѣчено, что туземцы скорѣе прибавляютъ, чѣмъ убавляютъ число дворовъ: такъ въ Ташкентѣ, по ихъ показанію, было до 30,000 дворовъ, теперь же оказывается, что всего не болѣе 8,000 дворовъ (**).

Самыми населенными мѣстами въ Средней Азій считаютъ окрестности Ташкента, Кокана, Номангана, Анджана, Бухары и Самарканда, словомъ, верховье р. Сыра и плодоносная до-

(*) А именно: сартовъ	200,000
узбековъ	75,000
киргизъ-казаковъ	580,000
кара-киргизовъ	140,000
кара-калпаковъ	5,000
	<hr/>
	1,000,000

русскихъ (войска, казачьи поселенія, торговцы и проч.) 50,000. (Изъ лекцій профессора Махшеева).

(**) Кстати, приведемъ здѣсь весьма любопытныя данныя, собранныя на мѣстѣ профессоромъ Махшеевымъ о числѣ селеній, дворовъ и кибитокъ, находящихся въ Туркестанскомъ военномъ округѣ. Всѣхъ селеній считается 401, въ нихъ:

1) *Дворовъ*: у сартовъ 39,200, у кураминцовъ—3,280, у узбековъ—15,230, а всего 57,710.

2) *Кибитокъ*: у киргизовъ: Малой орды—41,375, Средней орды—19,079, Большой орды 51,823; у кара-киргизовъ—28,103 и кара-калпаковъ—570, а всего 140,950. Слѣдовательно, всѣхъ семействъ можно считать до 200,000, что и составитъ около милліона жителей, считая по 5 душъ на каждое семейство.

Чисто-русскихъ поселеній пока немного; сюда могутъ быть отнесены, кромѣ сыръ-дарьинскихъ и бывшихъ сибирскихъ степныхъ укрѣпленій, еще укрѣпленіе Новый-Чиназъ, на р. Сырѣ, русскій Ташкентъ и нѣсколько слободъ Семирѣчинскаго казачьяго войска, поселеннаго въ Семирѣчинской области, составляющей часть Туркестанскаго военнаго округа.

лина Заровшана. Всѣ поселенія расположены подлѣ горъ, въ долинахъ рѣкъ и рѣчекъ, и въ нашемъ туркестанскомъ краѣ тянутся неширокою полосою отъ сѣвера къ югу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ углубляясь на востокъ по горнымъ долинамъ. На западъ же отъ этой полосы идетъ голая и мертвая степь.

IV.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРАЯ И ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

Изъ разбора свойствъ страны не трудно было видѣть, до чего они разнообразны и какъ велико ихъ вліяніе на образъ жизни ея обывателей.

Мы уже замѣтили, что осѣдлое населеніе болѣе всего группируется по берегамъ рѣкъ и въ горныхъ мѣстахъ, словомъ тамъ, гдѣ есть вода; тамъ же, гдѣ ея недостаточно, встрѣчаются одни кочевники. Но кромѣ осѣдлыхъ и кочевниковъ, здѣсь встрѣчается и третья группа людей—полуосѣдлыхъ и полукочевыхъ. Эти послѣдніе часть года живутъ осѣдло, а въ остальное время кочуютъ, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ плодоносныхъ оазисовъ, на которыхъ они издавна поселились.

Осѣдлые занимаются по преимуществу земледѣліемъ. Сѣютъ пшеницу озимую, ячмень, просо, джагоръ (родъ проса для корма скота); рисовые же посѣвы не велики, хотя урожаи ихъ превосходны. Хлѣба вездѣ достаетъ не только на потребности мѣстныхъ жителей, но онъ идетъ на продажу кочевникамъ, а въ послѣднее время и для русскихъ войскъ.

Естественныхъ луговъ почти нѣтъ и потому здѣсь заведено травосѣяніе. Обиліе плодовъ даетъ возможность сушить ихъ и отправлять для продажи въ Россію. Съ приходомъ же русскихъ, здѣсь начали выдѣлывать довольно сносное вино изъ мѣстнаго винограда. Тутовые деревья въ Бухарѣ и въ Коканѣ разводятся въ большомъ количествѣ; но мѣстныя издѣлія изъ шелку вообще плохи (*). Разводятся также табакъ и цитварное сѣмя (**). Здѣшній хлопокъ хотя и хуже американскаго, но опыты надъ разведеніемъ этого послѣдняго удались превосходно.

Древесная растительность встрѣчается лишь около поселенныхъ мѣстъ въ видѣ садовъ. Лѣса же имѣются только въ го-

(*) Московскій купецъ Хлудовъ завелъ здѣсь обширную паровую шелковую фабрику.

(**) Партія цитварнаго сѣяния куплена была Хлудовымъ въ 1867 году на 400,000 руб. сер.

рахъ, и то не вездѣ, отчего лѣсъ вообще дорогъ; большая часть здѣшнихъ построекъ глиняная, а на топливо идетъ саксауль (1).

Горное дѣло почти не существуетъ; но минеральныхъ богатствъ довольно въ краѣ. При устьѣ Чирчика найдены признаки золота (2). Въ 1867 году на полупути между Чемкентомъ и Аулиеата открыты мѣстороженія каменнаго угля въ горахъ Каратау. Онъ есть и въ другихъ мѣстахъ, какъ мы уже замѣтили, и, по причинѣ дороговизны топлива, это весьма важно, ибо недостатокъ въ топливѣ начинаетъ чувствоваться даже для нашей немногочисленной Аральской флотилии.

Около г. Намангана, въ Коканскомъ ханствѣ, найдено много нефтяныхъ ключей. Нефть, въ случаѣ успѣшной разработки, можетъ, кромѣ освѣщенія, быть хорошимъ матеріаломъ и для топлива (3).

Фабричной промышленности въ краѣ не существуетъ; ее пока замѣняютъ ремесла.

Скотоводство особенно развито у кочевыхъ народовъ. Рогатый скотъ преимущественно разводится у киргизовъ Большой Орды, кочующихъ въ Туркестанскомъ округѣ, тогда какъ его почти нѣтъ у киргизовъ Малой Орды оренбургскаго вѣдомства.

Бараны составляютъ главное богатство кочевниковъ.

Здѣшніе верблюды преимущественно двугорбые—истинное благодѣяніе для края и единственное средство для перекочевовъ и передвиженій въ степи. Иногда ихъ запрягаютъ даже въ экипажи (4).

Между мѣстными лошадьми три главнѣйшія породы: киргизская степная лошадь, аргамаки и карбаиры (смѣсь первыхъ двухъ).

Лошади Средней Азии, по горячности своего темперамента, по своей понятливости и легкости, весьма пригодны для верховой ѣзды, но для упряжи почти не годятся. Для перевозки тяжести ихъ употребляютъ только въ крайности.

(1) Древесное растеніе до того смолистое и корчеватое, что его съ трудомъ можно рубить даже топоромъ.

(2) По рассказамъ киргизовъ, золото есть и по другимъ рѣчкамъ, каковы: Машатъ, Аксу, Бадамъ, Сайрамъ и др.

(3) Въ Ташкентѣ явились русскіе промышленники, испрашивающіе у Кокана аренду на добываніе нефти.

(4) Въ нашей литературѣ нѣтъ специальныхъ сочиненій объ употребленіи верблюдовъ въ разныхъ случаяхъ, особенно въ военное время, тогда какъ это было бы весьма нелишнимъ.

Вотъ что, между прочимъ, пишетъ г. Зиновьевъ о здѣшнихъ лошадяхъ:

„Аргамаки, чаще всего встрѣчающіеся, имѣютъ весьма оригинальную наружность и обладаютъ даже особеннаго рода красотой, къ которой, конечно, нѣсколько надо привыкнуть. Они всѣ роста выше средняго и даже большаго: аргамакъ рѣдко бываетъ трехъ, а большею частью четырехъ и даже пяти вершковъ. У него прекрасная спина; хребетъ и крупъ прямые какъ стрѣла, высоко поставленный хвостъ, высокая длинная и тонкая шея (которая кажется еще тоньше и длиннѣе у нѣкоторыхъ аргамаковъ, оттого что здѣсь существуетъ особая мода выстригать конямъ плотно гриву), довольно большая, иногда прямая, но большею частію горбатая голова, узкая, грудь, тонкія ноги и длинныя бабки. Само собой разумѣется, что лошади эти не годятся для упряжи. При приготовленіи къ походу, нѣкоторыя батареи, не ремонтировавшіяся лошадьми по нѣскольку лѣтъ, купили по нуждѣ туземныхъ коней. Лошади эти въ самомъ скоромъ времени показали полную свою несостоятельность: онѣ постоянно затыгивались, несмотря на тщательную пригонку оголовковъ, обжигали себѣ плеча и кончали обыкновенно тѣмъ, что чрезъ два-три перехода переставали ѣсть кормъ.

„Карбаиры встрѣчаются гораздо рѣже нежели аргамаки. Они весьма высоко цѣнятся, какъ весьма сильныя и выносливыя лошади, чего нельзя сказать о длинноногихъ и узкогрудыхъ аргамакахъ. Каждый желающій здѣсь похвастаться своею лошадью непременно увѣряетъ, что она настоящій карбаиръ. Это обстоятельство, вслѣдствіе котораго огромное количество лошадей, не имѣющихъ ничего общаго съ карбаирами, выдаются за карбаировъ.

„Замѣчательно, что наши казаки, которымъ нельзя отказать въ знаніи практической иппологіи, относятся чрезвычайно неблагоприятно къ азіатскимъ конямъ, въ особенности къ аргамакамъ. Они положительно убѣждены, что ихъ кормленія лошаденки, въ особенности на дальней дистанціи, обскачутъ любого аргамака, несмотря на замѣчательную легкость послѣдняго. Послѣ каждой осады и полевого сраженія, въ казачьи руки попадалось множество коней, принадлежавшихъ иногда бекамъ, слѣдовательно лучшихъ, какихъ только можно достать въ Туркестанской области; но казакъ, если ему приходится от-

дѣлаться отъ одной изъ лошадей, никакъ не продать своего строевого коня.

„Надобно впрочемъ замѣтить, что азіятскія лошади, а въ особенности аргамаки, весьма нѣжны, и поэтому, а также по своей горячности, чрезвычайно легко простужаются. Наши арабщики, арбы которыхъ запряжены были также аргамаками, постоянно, даже лѣтомъ, держали ихъ на коновязяхъ подъ попонами, а въ холодныя ночи, кромѣ того, накрывали войлоками и коврами—неудобство весьма важное для боевого коня. Но что составляетъ безусловную, безспорную красоту коней Средней Азіи—это ихъ несравненные масти. Всѣ они ярко-золотистаго цвѣта. Эффектъ, производимый на глазъ такую обыкновенною мастью, поразителен“ (*).

Средняя Азія можетъ отпускать въ Россію хлопокъ и аптекарскіе товары и произведенія скотоводства: шерсть, кожи, ковры и войлоки.

Съ своей стороны, Средняя Азія нуждается въ металахъ и нѣкоторыхъ фабричныхъ произведеніяхъ, отпускъ которыхъ изъ Россіи и служитъ основаніемъ нашей здѣшней торговли (**).

Нашими главными торговыми центрами въ Средней Азіи считаются города: въ китайскихъ владѣніяхъ—Аксу, Яркендъ и Кашгаръ; въ ханствахъ, въ Бухарскомъ — Бухара, въ Коканскомъ—г. Коканъ и нашъ Ташкентъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Ташкентъ, расположенный въ 50 верстахъ отъ судоходной

(*) „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г., № 4, стр. 344.

(**) За послѣднія пять лѣтъ, среднимъ числомъ, товаровъ изъ Россіи было вывезено:

1) Въ киргизскія степи . . .	на 2,000,000 руб. сер.
2) — Бухару	— 3,000,000 — —
	на 5,000,000 руб. сер.

Ввезено въ Россію:

1) Изъ степи (шерсть и проч.)	на 5,000,000 руб. сер.
2) — Бухары (хлопка) . . .	— 4,000,000 — —
	на 9,000,000 руб. сер.

Поднять вопросъ о снятіи таможи на всемъ пространствѣ, прилежащемъ къ соседнимъ средне-азіатскимъ владѣніямъ. Переходъ отъ стѣсненія торговыхъ оборотовъ таможеню къ совершенно свободной торговлѣ, нигдѣ, быть можетъ, не легокъ такъ, какъ въ разсматриваемомъ краѣ. Здѣсь въ соображенія промышленныя не могутъ входить финансовыя расчеты, ибо здѣсь таможенный доходъ далеко не покроетъ расхода. Торговое развитіе сопредѣльныхъ странъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть опасно для нашей отечественной промышленности: какъ ни мало развита эта часть у насъ, однако сосѣди наши и отъ насъ далеко еще отстали. Слѣдовательно, о конкуренціи не можетъ быть и рѣчи.

Сырѣ-Дарьи и на весьма плодородной мѣстности, притомъ, соединенный удобными сообщеніями со всѣми окружающими землями, не замедлитъ пріобрѣсти весьма важное, а можетъ быть и первенствующее значеніе, въ торговомъ отношеніи.

Главный отпускъ нашихъ товаровъ въ Среднюю Азію заключается въ бумажныхъ, льняныхъ, шерстяныхъ и въ различныхъ металлическихъ издѣліяхъ. Въ послѣднее время юоть, сахаръ и чай начали составлять также довольно значительную статью отпуска. Нужно впрочемъ замѣтить, что чай, составляющій здѣсь необходимую потребность бѣдныхъ и богатыхъ, привозился прямо изъ Китая, до возстанія его западныхъ провинцій; со времени же инсурекии этихъ провинцій, чай сталъ привозится черезъ Индію и Бухару. Въ 1867 году въ Ташкентѣ явились русскіе кяхтинскіе чайные торговцы и стали хлопотать о завладѣніи чайною торговлею въ Средней Азіи. Но, конечно, съ усмиреніемъ западныхъ провинцій Китая, чай пойдетъ прежнимъ торговымъ путемъ.

Кромѣ того Средняя Азія торгуетъ съ Персіею, черезъ Герать, кофеемъ.

Первенствующее значеніе въ торговлѣ Средней Азіи все же принадлежитъ Россіи.

Для нашихъ товаровъ Средняя Азія надолго, если не навсегда, останется естественнымъ и выгоднымъ рынкомъ, потому что успѣхъ средне-азіатской торговли заключается главнымъ образомъ въ безопасности торговыхъ сношеній. Въ этомъ же отношеніи, пути, идущіе на сѣверъ, т. е. въ Россію, совершенно обезпечены, тогда какъ дороги, ведущія на югъ, т. е. въ Индію, подвержены частымъ нападеніямъ дикихъ кочевниковъ. Вотъ первое ручательство, что намъ, пока, нечего бояться конкуренціи англичанъ. Но есть и другія причины, парализующія эту конкуренцію: русскіе фабриканты больше англичанъ и другихъ народовъ знакомы съ народами Средней Азіи и потому умѣютъ лучше другихъ угодить на вкусъ туземныхъ потребителей. Благодаря этому обстоятельству, русскіе товары всюду проникли въ Среднюю Азію и, несмотря на сравнительную добротность англійскаго товара, средне-азіаты все-таки предпочитаютъ русскія издѣлія. Всему этому не мало также способствуетъ давность сношеній Россіи съ Среднею Азіею, а извѣстно, что жители востока по преимуществу склонны держаться старины.

Мы сказали, что торговые пути, ведущіе изъ Россіи въ Среднюю Азію, совершенно безопасны. Разсмотримъ вкратцѣ эти пути.

Главный, первенствующій и почти единственный торговый путь изъ Россіи въ средне-азіятскія ханства идетъ изъ Оренбурга на Орскъ, потомъ черезъ Киргизскую степь на укрѣпленія Карабутацкое, Уральское и фортъ № 1-й (Казала), на рѣкѣ Сырь-Дарьѣ. Отсюда пути направляются прямо въ Хиву, Бухару и на Ташкентъ. Послѣдняя дорога идетъ вдоль Сырь-Дарьи на фортъ № 2-й (Кармакчи), фортъ Перовскій, Джулекъ, потомъ далѣе черезъ г. Туркестанъ (Азретъ) и Чемкентъ—въ Ташкентъ. Путь этотъ хотя и неудобенъ въ томъ отношеніи, что мѣстами пролегаетъ по безводнымъ пескамъ Кара-Кума, но по географическому своему положенію онъ главнѣйшій, какъ ближайшій къ Россіи. Такъ какъ на немъ, кромѣ торговыхъ каравановъ, приходится часто ѣздить и служащимъ, то будетъ нелишнимъ сообщить о немъ нѣкоторыя подробности.

Съ Орска, небольшого и дурно выстроеннаго мѣстечка, начинается Киргизская степь и иная ѣзда чѣмъ русскія почты. По дорогѣ, вмѣсто станцій, выстроены глиняныя темныя и смрачныя мазанки, или киргизскія юрты, въ которыхъ полное отсутствіе всякихъ удобствъ. Раньше Казалы (фортъ № 1-й) нечего и думать объ отдыхѣ и о какихъ-либо покупкахъ, ибо Карабутацъ и Уральское укрѣпленія не что иное, какъ бѣдныя и ничтожныя степныя поселенія. Самый трудный путь лежитъ между Уральскимъ укрѣпленіемъ и Казалой, по кара-кумскимъ степямъ. На разстояніи почти 200 верстъ дорога идетъ по безотрадной пустынѣ, лишенной всякой растительности, всякаго слѣда жизни. Вырытые колодцы—съ скверною солонцоватою водою. Движеніе производится на верблюдахъ. И на остальномъ пути немногимъ лучше.

Въ послѣднее время хотя и устроено здѣсь болѣе правильное сообщеніе, но оно далеко еще несовершенно. Почта ходитъ только три раза въ мѣсяцъ, то на лошадяхъ, то на верблюдахъ, то на волахъ. Проѣзжающій долженъ имѣть непременно собственный прочно-сдѣланный экипажъ, потому что чинить его негдѣ; телѣги на станціяхъ если и есть, то до крайности неисправны. Ямщики—киргизы, степныя лошади вовсе не приучены къ ѣздѣ и при малѣйшей оплошности можно

рисковать даже жизнью, ибо полудикія лошади, пугающіяся стука экипажа, зачастую принимаются нести и бить. Одна изъ главныхъ задержекъ на станціяхъ, продолжающихся по нѣсколько часовъ сряду, происходитъ оттого, что лошадей для почтовой гоньбы на станціяхъ не держатъ, а каждый разъ ловятъ ихъ въ табунахъ, пасущихся нерѣдко на далекомъ разстояніи отъ станціи (1). Самый Ташкентъ сообщается съ Бухарою колесною дорогою черезъ Ходжентъ, Ура-Тюпе и далѣе отъ Самарканда долиною р. Заровшана; дорога эта вообще удобна и проходитъ по довольно населеннымъ мѣстамъ, обильнымъ водою и кормомъ, чѣмъ въ особенности отличается богатая долина р. Заровшана. Съ Коканомъ Ташкентъ сообщается тоже колесной дорогою.

Кромѣ вышеописаннаго пути, изъ Россіи въ Ташкентъ, проходятъ еще дороги изъ Семипалатинска на укрѣпленіе Вѣрное, Аулиеата и Чемкентъ. Дорога эта хотя болѣе кружная, но гораздо удобнѣе той, которая проходитъ черезъ Киргизскую степь. По ней преимущественно идетъ изъ Россіи, черезъ Омскъ, въ Туркестанскій округъ вся частная корреспонденція, тогда какъ изъ Ташкента даже частныя письма посылаются прямо на Оренбургъ степнымъ трактомъ (2).

Итакъ, почтовое сообщеніе Ташкента съ Россіею устроено чрезъ Киргизскую степь на Орскъ (3) и чрезъ укрѣпленіе Вѣрное, Семипалатинскъ на Омскъ (4). Кромѣ того существуетъ еще почтовая ѣзда между Ташкентомъ и Ходжентомъ, Ура-Тюпе, Дизахомъ и Новымъ-Чиназомъ.

Опытъ удачнаго устройства сообщеній между Вѣрнымъ и Семипалатинскомъ даетъ право надѣяться, что и во всемъ Туркестанскомъ краѣ и въ Киргизскихъ степяхъ онѣ будутъ приведены въ надлежащій порядокъ.

Сверхъ почтоваго сообщенія по Сырь-Дарьѣ, отъ Казалы до Новаго-Чиназа, на протяженіи 1,640 верстъ, ходятъ пароходы Аральской флотиліи: „Перовскій“ и „Араль“ въ 40 силъ каждый, „Сырь-Дарья“ въ 20 силъ, барказъ „Обручевъ“, и въ

(1) Желаящихъ познакомиться со всеми неудобствами степныхъ перевозовъ отсылаемъ къ сочиненію г. Татарникова: „Семимѣсячный плѣвъ въ Бухаріи“, и къ статьѣ г. Терентьева, помѣщенной въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1868 года, № 47.

(2) См. „Русскій Инвалидъ“ 1868 г., № 119, статья г. Терентьева.

(3) Отъ Ташкента, чрезъ Казалу, до Орска считается по маршруту 1,675 верстъ.

(4) Отъ Ташкента, чрезъ Вѣрное, до Омска—2,475 верстъ.

нынѣшнемъ году долженъ быть еще спущенъ на воду новый пароходъ въ 70 силъ.

Пароходство по Сыръ-Дарьѣ чрезвычайно затрудняется недостаткомъ топлива и мелководьемъ извиистой Джаманъ-Дарьи. Запасъ саксаула до того истощился, что его едва хватитъ еще на одну навигацію. Недавнее открытіе каменнаго угля даетъ право надѣяться, что скоро въ саксаулѣ не будетъ надобности. Противъ мелководья же единственное средство расчистить русла. Развитіе пароходства на Сыръ-Дарьѣ необходимо, и для этого не жаль будетъ сдѣлать нѣкоторыя затраты.

Вообще же говоря, въ описываемомъ краѣ удобныхъ дорогъ до крайности мало и мѣстные жители большею частью передвигаются или верхомъ, или въ двухконныхъ первобытныхъ арбахъ.

V.

РЕЛИГИОЗНОЕ И УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ МѢСТНАГО НАСЕЛЕНІЯ.

Умственное образованіе въ Средней Азіи тѣсно связано съ религіей. Въ этомъ отношеніи, народы осѣдлые, т. е. сарты, рѣзко отличаются отъ кочевниковъ.

Первые чрезвычайно религіозны; духовенство ихъ пользуется большимъ вліяніемъ и при содѣйствіи его вездѣ существуетъ много школъ, отчего грамотность здѣсь въ высшей степени развита. Неграмотные встрѣчаются какъ рѣдкое исключеніе. Въ каждомъ селеніи непременно есть мечеть и школа. Изъ школъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе, такъ называемыя, медресе, высшія учебныя заведенія, нѣчто въ родѣ семинарій. Они устраиваются и содержатся иждивеніемъ богатыхъ людей: купцовъ, хановъ, бековъ.

Обыкновенно медресе помѣщаются въ большихъ зданіяхъ, посреди которыхъ нерѣдко бьютъ фонтаны—непремѣнная принадлежность такихъ зданій, аудиторіи и библіотеки. Учащіеся живутъ въ самомъ зданіи, въ отдѣльныхъ покояхъ по два и по три вмѣстѣ, и имѣютъ свое отдѣльное хозяйство.

Преподаваніе въ медресе ведется однимъ профессоромъ; читаются исключительно богословскія науки; объ общихъ же знаніяхъ нѣтъ и помину. Такъ, напримѣръ, вмѣсто географіи преподается нелѣпѣйшая космографія. Несмотря на то, времени на ученіе тратится весьма много. Самые способные ученики едва въ двѣнадцать лѣтъ оканчиваютъ курсъ. Нерѣдко

между ними можно встрѣтить совершеннѣйшихъ стариковъ. Медресе, далеко не развивая ума своихъ учениковъ, способствуютъ лишь выработкѣ въ нихъ религіознаго фанатизма и то по формѣ, а не по духу.

Относительно кочевыхъ народовъ можно сказать, что религіозныя понятія ихъ крайне ограничены. Признавая вѣру въ единого Бога, они вовсе не держатся никакихъ религіозныхъ обрядовъ: мечетей, духовенства и школъ у нихъ не существуетъ. Но при всемъ томъ они свободнѣе въ своемъ міросозерцаніи и потому, по мнѣнію г. Макшеева, кочевникамъ будетъ легче чѣмъ осѣдлымъ сартамъ перейти къ европейской культурѣ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго о жителяхъ Средней Азіи нельзя не прійти къ заключенію, что сарты составляютъ интеллигенцію здѣшняго края. Дѣйствительно, вся торговля, вся ремесленность и отчасти земледѣліе у нихъ въ рукахъ; въ то же время они успѣли создать свою цивилизацію, свое образованіе, на сколько то было возможно рядомъ съ мусульманствомъ. Казалось бы, что кочевники должны быть въ полной зависимости отъ сартовъ. На самомъ же дѣлѣ это совсемъ не такъ. Владычествуютъ въ краѣ по большей части кочевники, и сарты находятся въ полной отъ нихъ политической зависимости. Принимая первенствующее значеніе въ общественномъ управленіи, сарты почти никогда не участвуютъ въ государственномъ управленіи страной. Всѣ важнѣйшія мѣста въ ханствахъ принадлежатъ большею частью узбекамъ или кипчакамъ, словомъ кочевникамъ. Ни въ Бухарѣ, ни въ Коканѣ не было ни одного хана изъ сартовъ. Всѣ ханы здѣсь были узбекскаго происхожденія.

„Но—говоритъ г. Южаковъ—когда вступишь въ сарты, взглядишь въ ихъ характеръ, въ ихъ бытъ, тогда становится уже не странно, а естественна эта пассивная роль сартовъ въ политической жизни средне-азіатскихъ владѣній. Сарты — народъ скупой до скряжничества, алчный къ деньгамъ, трусливый, мелочной, лишенный духа предприимчивости; наконецъ, онъ боится всякой новизны, держится старинныхъ преданій и замкнуть въ сферѣ обычаевъ и образа жизни, издавна укоренившихся, освященныхъ ихъ религіей. Такой народъ, или такое племя, и не можетъ имѣть самостоятельной политической жизни. Его жизнь прочно установилась; твердо опредѣлились

отношенія какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ; сложился взглядъ на жизнь общества и семьи, такъ что далѣе идти народъ не можетъ: нуженъ сильный толчекъ, сильное вліяніе, чтобы расшатать, раздвинуть или ослабить этотъ осто́въ, эту рамку общественной жизни, несвязанную и скрѣпленную религіей. Правовѣрный мыслить такъ, какъ повелѣваетъ его законъ; вслѣдствіе этого въ Средней Азіи, у сартовъ страшное ханжество, и они впади въ умственный застой, замкнулись въ сферѣ указанныхъ имъ вѣрованій, представленій и обрядности, и такъ крѣпко заснули подъ этой религіозной пеленой, что ихъ могутъ разбудить только колокольный звонъ при громѣ пушекъ, или свистъ локомотива: — къ остальному отъ міра сего они будутъ глухи и нѣмы“ (*).

Если при этомъ мы обратимъ вниманіе на характеръ сартовъ, выработавшійся ихъ тысячелѣтней жизнью подъ климатическими и историческими условіями, подъ подавляющимъ вліяніемъ религіи, намъ понятно будетъ, и безъ полнаго знакомства съ ихъ исторіей, почему сарты не могли усвоить себѣ самостоятельной политической жизни.

VI.

ОЦЕРКЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО УСТРОЙСТВА СРЕДНЕ-АЗІАТСКИХЪ ХАНСТВЪ.

Переходя къ политическому и общественному устройству средне-азіатскихъ ханствъ, прежде всего слѣдуетъ сказать, что власть узбековъ, здѣшнихъ покорителей, сложилась въ формѣ удѣльной системы, вслѣдствіе чего образовалось нѣсколько отдѣльныхъ государствъ подъ главенствомъ бухарскаго эмира. Но главенство и власть эмира были лишь номинальны: подчиненные ему вассалы бунтовали и выходили изъ-подъ его власти, когда хотѣли, ничѣмъ почти не рискуя. Такимъ путемъ, между прочимъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія образовались силою обстоятельствъ Хивинское и Коканское ханства, развившіяся впоследствии до степени равной съ Бухарою.

Однакожь и въ настоящее время ханство Бухарское имѣетъ первостепенное значеніе, какъ по своему географическому положенію, такъ и по числу жителей, по торговлѣ и по своему религіозному вліянію.

Бухарскія владѣнія, занимая центральное положеніе, относительно остальныхъ двухъ ханствъ, долгое время были при-

(*). См. статью г. Южакова: „Отечественныя Записки“ 1867 г., июль, кн. 2-я.

крыты этими странами отъ нашего непосредственнаго вліянія. Осѣдлое населеніе ханства занимаетъ плодородныя земли по берегамъ Заровшана и Аму-Дарьи, гдѣ считается до 600 кв. миль обработанныхъ полей. Число жителей Бухаріи простирается до 2,500,000.

Въ торговомъ и ученомъ (если можно допустить ученость въ Азіи) отношеніи, Бухаріи въ Средней Азіи принадлежит первое мѣсто; этимъ она обязана, впрочемъ, не географическому положенію, но исторической своей судьбѣ и предприимчивому и меркантильному духу своего народа. Въ Бухарѣ послѣдовательнѣе и впервые водворился извѣстный родъ порядка, т. е. создалась возможность съ успѣхомъ заниматься торговлею; успѣху этого дѣла много способствовало долгое царствованіе покойнаго эмира Нассръ-Улла-Багадуръ-хана, коварный и хитрый характеръ котораго доставилъ ему въ Азіи славу умнаго, даже великаго правителя. Наслѣдникъ его, нынѣшній эмиръ Музафферъ-ханъ далеко уступаетъ по способностямъ своему отцу и вѣроятно личные его недостатки много будутъ способствовать ослабленію значенія Бухары. Вообще же говоря, исторія Бухары какъ и другихъ ханствъ, за послѣдніе годы мало извѣстна; между прочимъ, было бы весьма любопытно узнать характеръ нынѣшняго эмира, съ которымъ сила обстоятельствъ поставила насъ лицомъ къ лицу. Въ статьѣ г. Зиновьева вотъ что сказано о характерѣ настоящаго правителя Бухаріи:

„Нынѣшній эмиръ бухарскій, султанъ Сеидъ-Музафферъ-ханъ (*), одинъ изъ младшихъ сыновей эмира Нассръ-Улла-Багадуръ-хана, былъ отчего-то особенно нелюбимъ отцомъ своимъ, почему и жилъ постоянно въ Кермени (одномъ изъ маленькихъ городовъ Бухаріи) въ отдаленіи отъ двора.

„Красивый собой, отважный и преслѣдуемый въ то же время ненавистью отца, эмира жестокаго и ненавидимаго подданными, Музафферъ-ханъ собралъ вокругъ себя значительную партію недовольныхъ и когда отецъ его умеръ, безъ особыхъ препятствій завладѣлъ престоломъ, убивъ предварительно, какъ это здѣсь водится, всѣхъ своихъ братьевъ.

„Сдѣлавшись эмиромъ, Музафферъ-ханъ тотчасъ же началъ слѣдовать — и донинѣ слѣдуетъ неуклонно и во всемъ — примѣру своего отца, да, вѣроятно, и всѣхъ своихъ предшественниковъ. Кровожадный, развратный и неумолимый эгоистъ, онъ съ

(*). Въ настоящее время ему около 40 лѣтъ.

отвратительнымъ цинизмомъ пользуется властію, исключительно для удовлетворенія низкихъ и животныхъ страстей своихъ; на жизнь и на имущество подданныхъ смотритъ не иначе какъ на собственность, неотъемлемо ему лично принадлежащую. Глубокій невѣжда и дикій изувѣръ, онъ въ собственномъ обогаченіи видитъ все искусство правителя, а въ грабежѣ сосѣдей свою славу. Объ исполненіи какого бы то ни было долга или обязанности не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, будучи увѣренъ, что особа, столь высоко поставленная и столь могущественная, какъ эмиръ бухарскій, не можетъ быть связана никакими обязанностями и обязательствами. Еще менѣе доступны его пониманію правила чести, какъ мы ихъ разумѣемъ. Обманъ самый наглый служитъ основаніемъ его политики, и грубая сила замѣняетъ чувства справедливости и весь нравственный кодексъ.

„Одаренный такими качествами, Музафферъ-ханъ вообразилъ себя назначеннымъ судьбой для восстановленія древняго царства Тамерлана, во всемъ его блескѣ. Рассказываютъ, будто онъ видѣлъ во снѣ, что ему суждено восстановить Казанское и Астраханское царства подъ своимъ скипетромъ.

„Въ начавшихся безконечныхъ войнахъ съ сосѣдями Музафферъ-ханъ оставался почти всегда побѣдителемъ. Слава о его военныхъ подвигахъ разнеслась по всей Средней Азии и еще болѣе прежняго укрѣпила въ немъ самую дерзкую самоувѣренность и наглую надменность“ (*).

Послѣ такой характеристики становится понятнымъ, почему съ такимъ человѣкомъ, какъ эмиръ, было бы напрасно рассчитывать на успѣхъ дипломатическихъ переговоровъ и на возможность заключенія формальнаго мира. Кромѣ пустыхъ обещаній и хитрыхъ уловокъ, отъ эмира другаго ожидать нечего, что онъ и доказалъ своимъ вѣроломнымъ поступкомъ съ генераломъ Черняевымъ и посланными въ Бухару нашими офицерами.

Въ административномъ отношеніи, нынѣшнее Бухарское ханство хотя и дѣлится на области, но постоянныхъ областей не существуетъ. Управитель (бекъ) города управляетъ и окрестною странюю. Изъ городовъ Бухаріи замѣчательны: Чорджуй и Керки на р. Аму; Бухара, Самаркандъ, Кермень, Карши и

(*). См. „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г., № 3, стр. 142—144.

Шахри-Сябсъ. Послѣдній съ своимъ округомъ, благодаря гористому мѣстоположенію области, почти независимъ отъ Бухаріи.

Хивинское ханство, какъ мы сказали, возникло только въ нынѣшнемъ столѣтіи и стало одерживать верхъ надъ Бухарою. Хивинцы, укрѣпившись на Сырь-Дарьѣ, собирали пошлину съ русскихъ каравановъ до тѣхъ поръ, пока мы, заложивъ въ 1847 г. первое русское укрѣпленіе на Сырь-Дарьѣ, не положили конецъ этимъ сборамъ. Около того же времени возникшія въ Хивѣ внутреннія смуты значительно ослабили это ханство. Осѣдлое населеніе хивинскаго ханства преимущественно сгруппировано на двухъ главнѣйшихъ оазисахъ; въ низовьяхъ р. Аму-Дарьи и на верховьяхъ р. Мурабахъ (Мервъ-теке съ городомъ Мервъ), съ городами: Хива, Ургенчъ, Кунградъ, Мервъ и другими. Кромѣ того, на земляхъ Хивы кочуютъ большею частію независимые туркмены. Хивинскихъ подданныхъ считается до 500,000 жителей. Воздѣланныхъ полей полагаютъ въ этомъ ханствѣ только 150 квадратныхъ миль.

Коканскому ханству было положено основаніе въ концѣ прошлаго столѣтія. Нѣкто Нарбутъ, удачно воевавшій съ Китаемъ и Бухарою, успѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ отъ послѣдней почти весь засырь-дарьинскій край (*). Преемники его, принявъ титулъ хановъ, завладѣли Ташкентомъ, Туркестаномъ, основали крѣпость Акмечеть и въ короткое время распространили свою власть на сѣверѣ до заилійскаго края и заняли горныя страны на югъ отъ Ходжента. Бухарскіе эмиры находили, что такое усиленіе Кокана для Бухары невыгодно, и вотъ почему между ханствами еще при прежнемъ эмирѣ Бухары, Улла-Багадурѣ, началась борьба, не приведшая впрочемъ ни къ какимъ результатамъ. Въ это же время начались внутреннія смуты въ коканскомъ ханствѣ.

Въ настоящее время значительная часть коканскихъ владѣній перешли въ наши руки, что, между прочимъ, дало намъ возможность совершенно изолировать Коканъ отъ Бухары.

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ коканскія владѣнія сосредоточиваются въ долинѣ р. Нарына, или верхней Сырь-Дарьи, съ городами Коканъ, Намонганъ, Андиджанъ, Унгъ и проч. Жителей въ ханствѣ считается около 1,750,000, на пространствѣ 1,200 квадратныхъ миль.

(*). Земли, лежація по южную или лѣвую сторону р. Сырь-Дарьи, гдѣ наши города: Ходжентъ, Ура-Тюпе, Джизакъ (Дзакъ) и др.

Кромѣ описанныхъ ханствъ, въ гористой мѣстности верховій Аму-Дарьи существуетъ нѣсколько отдѣльныхъ владѣній, постоянно между собою враждующихъ. Хищничество и грабежи здѣсь до того часты, что мѣстность эту справедливо считаютъ настоящимъ гнѣздомъ разбоевъ (*).

Политическій и общественный строй совершенно однообразны во всѣхъ странахъ Средней Азіи. Ханъ есть полновластный властелинъ и ничѣмъ неограниченный деспотъ—еократъ. Онъ располагаетъ жизнью, совѣстью и имуществомъ своихъ подданныхъ; государственныя должности раздаются не по заслугамъ, а по усмотрѣнію хана и его любимцевъ. Беки—управители области—дѣйствуютъ нерѣдко самоуправно и зачастую вступаютъ въ открытую борьбу съ своими ханами.

Судъ находится въ рукахъ духовенства, рѣшающаго дѣла по шаріату и адату (**).

Каждый городъ имѣетъ свое отдѣльное управленіе, во главѣ котораго, послѣ хана или бека, стоитъ *кази*, высшее духовное лицо и судья. Если онъ ловокъ и уменъ, то сила и значеніе его весьма велики, чему доказательствомъ можетъ служить *кази-килянъ ташкентскій* (***) . Но хотя даровитые личности встрѣчаются здѣсь рѣдко, тѣмъ не менѣе *кази* играютъ значительную роль сравнительно съ другими должностными лицами въ общественномъ управленіи. Какъ судьи, *кази* не пользуются популярностью, ибо, въ строгомъ смыслѣ, они не судятъ и не разбираютъ дѣла, а только подводятъ ихъ подъ статьи шаріата; за то, какъ представители и блюстители закона, *кази* пользуются огромнымъ почетомъ. Судъ всегда производится гласно, скоро и при открытыхъ дверяхъ.

Изъ другихъ общественныхъ должностей слѣдуютъ: 1) *аксакалы*, *раисы*, *курбаши*, обязанности которыхъ чисто полицейскія; одни изъ нихъ наблюдаютъ за порядкомъ днемъ, другіе ночью и 2) *саркеръ*, лицо отъ правительства: на него возло-

(*) Сюда относятся: 1) *Авганскій Туркестанъ* съ гор. Бадакшаномъ, Гиссаромъ, Кундузомъ, Хумумомъ, Акче и проч. и 2) *Болористанъ*—страна на ю.-в. и с.-в. отъ Бодакшана. Все это принадлежитъ теперь, какъ кажется, Авганистану.

(**) *Шаріатъ*—церковные мусульманскіе законы, основанные на алкоранѣ; *адатъ*—обычай, или изустные законы, сохраняемые въ памяти народной, самымъ народомъ устанавливаемые и имъ же отмѣняемые.

(***) *Кази-килянъ*—значитъ старшій *кази* изъ хаджей. *Киланы* есть во многихъ городахъ Средней Азіи.

жены сборы различныхъ податей. Въ помощь ему назначаютъ *дуанъ-беги* и *мирзы* (писаря).

Саркеръ лицо весьма важное, ибо въ его вѣдѣніи состоитъ сборъ *хираджи*—главнѣйшая подать казнѣ съ земледѣлія (¹). Статья этого дохода предоставляется въ распоряженіе беку, съ обязательствомъ содержать гарнизоны крѣпостей и въ случаѣ войны выставлять возможно—большее число полевыхъ войскъ. Мѣста *саркеровъ* весьма доходны; они назначаются беками изъ людей вполне имъ преданнымъ.

Кромѣ *хираджа* и *танапа*, сборовъ съ продуктовъ земледѣлія, въ средне-азіатскихъ ханствахъ существуетъ еще *закетъ*, сборъ со скота, товаровъ и капиталовъ, словомъ съ движимаго имущества (²). Нечего говорить, что, при полномъ производѣ средне-азіатскихъ властителей, кромѣ названныхъ податей существуютъ и другіе весьма отяготительные поборы съ жителей.

Регулярныхъ войскъ средне-азіатскіе народы не имѣютъ, кромѣ незначительныхъ отрядовъ *сарбазовъ* (³), содержимыхъ постоянно Коканомъ и Бухарой. Арміи ихъ состоятъ изъ плохо вооруженныхъ и вовсе недисциплинированныхъ сборищъ, преимущественно конныхъ, выставляемыхъ въ поле во время самой войны.

Нерѣдко цѣлыя массы вооружены однѣми палками (⁴); артилерія до крайности плоха, неудобоподвижна, малочисленна и въ крѣпостяхъ небольшого калибра. Лучшею и храбрѣйшею арміею считались войска бухарцевъ. Рядъ нашихъ побѣдъ по-

(¹) Собственно *хираджемъ* называется сборъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{5}$ съ земель, орошаемыхъ арыками (подпроводами). У кого свои арыки, тотъ ничего не платитъ. Но это не вездѣ, и по закону послѣдніе обложены *танапнымъ* сборомъ (*танапъ*— $\frac{1}{6}$ десятины). Съ полей безъ искусственнаго орошенія собирается $\frac{1}{6}$ часть урожая. Съ земель же, орошаемыхъ арыками, взимается большій процентъ, потому что арыки считаются принадлежностью казны и какъ бы отданы въ пользованіе населенію. Поземельная подать въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ сбавлена до $\frac{1}{10}$ части съ урожая.

(²) По мусульманскому закону, со 100 верблюдовъ взимается одинъ, съ 40—101 барановъ—тоже одинъ.

Съ торговыхъ капиталовъ налогъ собирается разъ въ годъ, хотя бы купецъ успѣлъ обернуть свой капиталъ и нѣсколько разъ. Размѣръ этой подати равняется $\frac{1}{10}$ части. Съ иновѣрныхъ купцовъ берутъ вдвое.

Съ нашихъ киргизовъ вмѣсто *закета* собирается *кибиточная* подать.

(³) Обученныхъ и вооруженныхъ *сарбазовъ* немного: всего по одному баталіону въ ханствѣ; набираются они преимущественно изъ *павннхъ* персіянъ, индѣйцевъ и бѣглыхъ русскихъ.

(⁴) См. сочиненіе г. Татарнинова, „Павъ въ Бухаріи“ 1867 г.

казываютъ до какой степени мнѣніе это было справедливо. Въ настоящее время почти вся полевая артилерія кокандцевъ и бухарцевъ находится въ нашихъ рукахъ (*). Не имѣя никакого понятія о военномъ дѣлѣ, среднеазіятскія войска, даже при громадной многочисленности, безсильны въ полевыхъ дѣлахъ при встрѣчѣ съ регулярными войсками. Исторія нашихъ завоеваній въ Средней Азіи полна фактами, доказывающими, что войскамъ нашимъ нетрудно было справляться съ непріателемъ, въ 20 разъ превосходившимъ насъ своею численностью.

Рядъ же удачныхъ штурмовъ, доставившихъ въ наши руки десятки укрѣпленныхъ городовъ, показываетъ, что и за толстыми и часто неприступными стѣнами азіятцы драться не умѣютъ. Здѣшнія крѣпости выстроены безъ всякихъ правилъ и обыкновенно состоятъ изъ нѣсколькихъ рядовъ толстыхъ глиняныхъ валовъ, съ неизбѣжною цитаделью, или „урдою“, какъ ихъ здѣсь называютъ. Не имѣя понятія о пользованьи мѣстностью для боя, они и въ крѣпостяхъ защищаются только за главными валами, оставляя безъ всякаго вниманія предмѣстья городовъ, глиняныя постройки и кривыя улицы которыхъ могли бы представить неодолимую преграду для осаждающаго. Питая же какой-то суевѣрный страхъ къ военнымъ дѣйствіямъ ночью, они даютъ полную возможность вблизи крѣпостей закладывать брешь-батареи на какомъ угодно разстояніи.

Таково, въ общихъ чертахъ, современное состояніе среднеазіятскихъ ханствъ. По всей вѣроятности, они такими были многиі сотни лѣтъ назадъ; но и для нихъ, кажется, наступаетъ новое время. Съ сѣвера и юга къ нимъ безостановочно приближаются русскіе и англичане, и нѣтъ сомнѣнія, что европейская цивилизація не замедлитъ внести въ эти мертвыя, темныя царства свои живительныя и благотворныя начала.

*

(*) Въ одномъ 1866 году нами было взято различныхъ 129 орудій. (См. соч. г. Романовскаго. „Вѣдомости“, № 86.)

(Окончаніе будетъ.)

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

XX (*).

Пребываніе императора въ главной квартирѣ у Траянова вала. — Взятіе Бранлова. — Капитуляція второстепенныхъ турецкихъ крѣпостей. — Заботливость государя о призрѣніи раненыхъ. — Извѣстія, полученные императоромъ изъ царства Польскаго. — Впечатлѣніе побѣдъ русскихъ войскъ на жителей Варшавы и Петербурга. — Письмо императрицы Александры Теодоровны.

Авангардъ третьяго корпуса, подъ начальствомъ генерала Ридигера, продолжалъ движеніе къ Траянову валу, который хотя и уцѣлѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но не могъ уже служить Турціи оплотомъ противъ вторженія непріятельской арміи. Ридигеръ расположился здѣсь лагеремъ, но вслѣдъ затѣмъ, съ частію своихъ войскъ, выступилъ по направленію къ Кюстенджи. Эта крѣпость, возвышающаяся амфитеатромъ на морскомъ берегу, была укрѣплена весьма тщательно, защищаема трехтысячнымъ гарнизономъ, и турки, начинавшіе показываться небольшими отрядами въ окрестностяхъ, хотѣли, повидимому, отстоять ее стычками, при содѣйствіи крѣпостныхъ орудій. Стычки возобновлялись въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ и поддерживались застрѣльщиками, занимавшими окружающія Кюстенджи высоты; но это не помѣшало генералу Ридигеру выдвинуть свои передовые посты въ недалекомъ разстояніи отъ городскихъ стѣнъ и построить батарею на пятьдесятъ орудій большаго калибра, которыя должны были открыть огонь въ присутствіи императора.

Изъ Бабадага, положеніе котораго въ прекрасной долинѣ

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., №№ 10—12, и 1868 г., №№ 1, 3—7.

ВОЕННЫЙ

802-18

175-6-1

628

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

№ 9

СЕНТЯБРЬ

1868

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВОДВОРЕНІЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(Окончаніе.) (*)

VII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ОТНОШЕНІЙ РОССИИ КЪ СРЕДНЕ-АЗІЯТСКИМЪ ХАНСТВАМЪ.

Сношенія русскихъ съ жителями Средней Азіи начались съ давнихъ поръ и вначалѣ носили на себѣ чисто-торговый характеръ.

Еще до нашествія монголовъ, въ Новгородъ привозились отсюда индѣйскіе товары. Со времени же монгольскаго ига сношенія наши съ Тураномъ увеличились. Они не прекращались и послѣ разгрома татаръ; но въ сущности непосредственныя сношенія наши съ Средней Азіей устанавливаются лишь при Петрѣ Великомъ. Съ его времени правительство наше беретъ на себя не только инициативу сношеній, но и поддерживаетъ ихъ силою оружія. Будучи убѣжденъ, что край средне-азіатскихъ кочевниковъ „ключъ и врата ко всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ“, Петръ не упускалъ случая завязывать сношенія съ этими кочевниками. Такъ, въ 1710 году, въ Астрахань пріѣзжалъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ туркменскихъ беевъ и жаловался русскимъ на притѣсненія хивинцовъ, рассказывая, между прочимъ, что въ ихъ краѣ находится много золотыхъ россыпей. Заманчивость этого слуха послужила главнѣйшею причиною посольства и военной экспедиціи князя Бековича-Черкаскаго въ хивинскія владѣнія въ 1717 году. Какъ извѣстно читателямъ нашего журнала (**), походъ этотъ кончился гибелью князя Черкаскаго и съ тѣхъ поръ наши военныя экспедиціи въ Среднюю Азію не возобновлялись до 1839 года.

Въ этомъ году, наши войска, подъ начальствомъ генерала Перовскаго, были двинуты въ степь черезъ Усть-Юртъ къ хивинскимъ границамъ (***) . Поводомъ къ экспедиціи бы-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1868 г., № 8.

(**) См. „Походъ въ Хиву въ 1717 году“, соч. Д. Голосова. „Военный Сборникъ“ 1861 г., т. XXI, № 10, стр. 303.

(***) См. „Походъ въ Хиву въ 1839—1840 годахъ“, соч. Д. Голосова. „Военный Сборникъ“ 1863 г., №№ 1, 2 и 3.

ло много: хивинцы безпрестанно грабили наши караваны, нападали на нашихъ киргизовъ въ степи, увели въ Хиву нѣсколько сотъ плѣнныхъ русскихъ. И этотъ походъ, какъ извѣстно, кончился неудачно, несмотря на то, что военныхъ дѣйствій вовсе не было. Страшные морозы, буруны, вьюги, глубокіе снѣга и недостатокъ корма заставилъ отрядъ возвратиться съ полудороги въ Оренбургъ. Несмотря, однако, на неудачу, походъ этотъ сильно переполошилъ не только хивинцевъ, но и англичанъ, начавшихъ опасаться за свои индѣйскія владѣнія, и когда Перовскій, возвратившись въ Оренбургъ, сталъ готовиться къ новому походу въ Хиву, англичане употребили все свое вліяніе, чтобы Хива удовлетворила всѣмъ нашимъ законнымъ требованіямъ, и заставили ее немедленно возвратити всѣхъ нашихъ плѣнныхъ. Пока тѣмъ дѣло и кончилось, и мы до 1847 г. строго держались пассивной политики въ отношеніи пограничныхъ ханствъ Турана, довольствуясь дипломатическими сношеніями (*).

Хотя начало водворенія въ степи русскихъ было положено еще въ 1833 г., возведеніемъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря Ново-Александровскаго укрѣпленія, но въ сущности прочное и фактическое утвержденіе наше началось съ 1847 г. Въ этомъ году, когда степь была взволнована мятежнымъ султаномъ Кенисарой-Касимовымъ, были построены укрѣпленія: Оренбургское по р. Тургаѣ, Уральское по Иргизу и фортъ Карабутскій, а со стороны Сибири Копаль.

Выдвиженіе наше впередъ значительно успокоило степь, ближайшую къ оренбургской линіи, но мало имѣло вліянія на киргизовъ, кочевавшихъ за р. Эмбою, на Усть-Юртѣ и въ особенности на берегахъ Сыръ-Дарьи. Понятно, что для поддержанія нашего вліянія на средне-азіятскія ханства, для огражденія подвластныхъ намъ киргизовъ, кочевавшихъ на Сыръ-Дарьѣ, и для безопасности нашихъ каравановъ, необходимо было утвердиться на Аральскомъ морѣ и на низовьяхъ Сыра, гдѣ хивинцы и коканцы, вопреки всякаго права, построили цѣлый рядъ укрѣпленій, съ цѣлью держать въ страхѣ киргизовъ и отягощать ихъ всякаго рода поборами. Въ виду этого, при устьѣ р. Сыра, въ 1847 г., было заложено первое наше

(*). См. 1) „Очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Бухарою съ 1836—1843 г.“, Н. Залѣсова, и 2) „Посольство въ Хиву въ 1842 году“, соч. Залѣсова. „Военный Сборникъ“ 1862 г., № 9, и 1866 г., № 5.

Раимское укрѣпленіе, переименованное впоследствии въ Аральское (*). Одновременно съ заложениемъ этого укрѣпленія начинается наше судоходство по Аральскому морю, куда весною того же года были доставлены и спущены на воду двухмачтовые суда: одно военное „Николай“, другое частное „Михаилъ“.

Около этого же времени, со стороны Сибири приступлено было къ заложению укрѣпленій, сперва Копальскаго (1847 г.), потомъ Вѣрнаго (1854 г.).

Когда, такимъ образомъ, въ 1847 г. мы стали утверждаться на границахъ Хивинскаго и Коканскаго ханствъ, враждебныя столкновения съ ними были неизбѣжны. Непріязненные дѣйствія прежде всего начались съ Хивой. Въ августѣ 1847 г. скопище хивинцевъ изъ 2,000 человекъ, переправясь черезъ Сыръ-Дарью, напало на нашихъ киргизовъ и разграбило болѣе тысячи семействъ. Выступившія противъ хивинцевъ войска обратили хищниковъ въ бѣгство и навели страхъ даже на Хиву, гдѣ уже ожидали нашествія русскихъ. Во второй половинѣ ноября хивинцы появились въ пескахъ Кара-Кумъ и снова начали грабить киргизовъ. При этомъ они перерѣзали многихъ стариковъ, забрали женщинъ, младенцевъ разбросали по степи и ограбили два купеческихъ каравана. При движеніи нашихъ войскъ хищники опять бѣжали за Сыръ-Дарью. Въ 1848 году дерзость хивинцевъ дошла до того, что въ мартѣ скопище ихъ, въ числѣ около 1,500 человекъ, явилось на правомъ берегу Сыра и начало грабежъ. 300 всадниковъ изъ туркменовъ не побоялись наѣздничать подъ выстрѣлами укрѣпленія и явиться на сыръ-дарьинской пристани. Почти цѣлыя сутки хищники грабили и рѣзали киргизовъ и затѣмъ возвратились за Сыръ. Хивинцы дѣлали нападеніе нѣсколько разъ, въ теченіе 1848 г., но, постоянно принуждаемые при встрѣчѣ съ нашими отрядами бѣжать, убѣдились наконецъ въ своемъ безсиліи и прекратили свои набѣги, довольствуясь заявленіями, чтобы мы уничтожили свои укрѣпленія на Сырѣ. Въ скоромъ времени, однакожъ, какъ увидимъ дальше, хивинцы отказались и отъ этихъ притязаній.

Съ 1850 года начинаются непріязненные дѣйствія и со стороны коканцевъ, которые, какъ сказано, построивъ въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи укрѣпленія, притѣсняли и грабили также подвластныхъ намъ киргизовъ. Главнымъ образомъ на-

(*). Нынѣ упраздненное.

бѣги производилъ акмечетскій бекъ, которому были подчинены всѣ коканскія укрѣпленія, расположенныя на низовьяхъ Сыра. Набѣги сопровождались страшными грабежами: въ 1850 году, верстахъ въ 50 отъ Аральскаго укрѣпленія, коканцы угнали у киргизовъ до 26,000 головъ скота; въ другой разъ до 30,000 головъ. Несмотря на то, что въ слѣдующемъ, 1851 г., за одинъ такой грабежъ 75,000 головъ скота, начальникъ Аральскаго укрѣпленія, маіоръ Энгманъ, преслѣдуя коканцевъ, взялъ приступомъ укрѣпленіе ихъ Кошъ-Курганъ, грабежи продолжались. Необходимо было принять дѣйствительныя мѣры къ прекращенію набѣговъ, на что и рѣшился Перовскій въ 1852 г.

Въ апрѣлѣ этого года, высланный нами небольшой съемочный отрядъ былъ остановленъ у крѣпости Акмечети коканскимъ комендантомъ, который рѣшительно не хотѣлъ пустить его далѣе. Такъ какъ въ это время уже рѣшенъ былъ вопросъ о соединеніи оренбургской линіи съ сибирскою, чего возможно было достигнуть со стороны Оренбургской степи движеніемъ вверхъ по Сыру, то необходимо было продолжать рекогносцировку, хотя бы для того потребовались вооруженныя силы.

Вслѣдствіе такой необходимости, лѣтомъ того же года, былъ составленъ отрядъ силою въ 450 человекъ, при двухъ четверть-пудовыхъ единорогахъ, подъ начальствомъ полковника Бларамберга, которому поручено было произвести рекогносцировку по долинкѣ Сыра до самой коканской крѣпости Акмечеть, и, въ случаѣ надобности, дѣйствовать вооруженною рукою. Коканцы, предувѣдомленные о движеніи нашего отряда, успѣли прорытіемъ плотинъ наводнить окрестности Акмечети, что, однако, не могло остановить дальнѣйшаго движенія нашихъ войскъ, которыя расположились лагеремъ подъ самой крѣпостью, требуя немедленной ея сдачи, какъ построенной на землѣ подвластныхъ намъ киргизовъ. Не имѣя при отрядѣ достаточной длины лѣстницъ, отрядъ не могъ взять крѣпость штурмомъ, и потому полковникъ Бларамбергъ удовольствовался взятіемъ наружнаго вала и уничтоженіемъ огнемъ всего, что было между наружною стѣною и цитаделью Акмечети. Послѣ чего отрядъ нашъ оставилъ крѣпость.

Этотъ поискъ, совершенный небольшимъ отрядомъ за 500 верстъ отъ крайняго нашего укрѣпленія и за 1,500 отъ заселенной русской границы, заслуживаетъ вниманія въ военномъ отношеніи. Въ шесть недѣль отрядъ прошелъ болѣе 1,000

верстъ, преодолевая необыкновенныя трудности мѣстности и перенося утомительный жаръ; безъ судовъ и понтоновъ, онъ благополучно совершилъ шесть переправъ чрезъ значительныя рѣчки и протоки, уничтожилъ три непріятельскія крѣпости и разрушилъ внѣшнее укрѣпленіе акмечетской цитадели.

Но, кромѣ того, этотъ поискъ далъ возможность вывести положительное заключеніе о мѣрахъ, необходимыхъ для окончательнаго уничтоженія коканскихъ укрѣпленій по правому берегу Сыръ-Дарьи.

По распросамъ свѣдѣніямъ оказалось, что отъ Акмечети, вверхъ по Сыру, находится много луговыхъ мѣстъ, а берега рѣчки окоймлены густымъ лѣсомъ, годнымъ на постройки домовъ, а можетъ быть и судовъ.

Слѣдовательно, было ясно, что, вообще, для прочности нашего водворенія на Сыръ-Дарьѣ, для избавленія нашихъ киргизовъ отъ грабежей и съ каждымъ годомъ возрастающихъ поборовъ со стороны коканцевъ, наконецъ, для соединенія оренбургской линіи съ сибирскою, необходимо было занять прочнымъ образомъ пространство между рѣкою и протокомъ Кара-Узякъ, чѣмъ обезопасилось бы плаваніе по Сыру. Занятіе этого пространства прежде всего требовало уничтоженія, на правомъ берегу, коканскихъ укрѣпленій. Для безопаснаго же плаванія нашихъ пароходовъ, невозможно было допустить укрѣпленій и вблизи по лѣвому берегу.

Коканцы въ то время образовали, на пространствѣ между Кара-Узякомъ и Сыръ-Дарьею, особый округъ, охраняемый крѣпостцами, изъ которыхъ Акмечеть была центромъ управленія. Здѣсь постоянно кочующихъ киргизовъ считалось до 5,000 кибитокъ. Кромѣ того, на зимовку приходило изъ русскихъ предѣловъ до 3,000 кибитокъ. Всѣ они подвергались самымъ тягостнымъ налогамъ и грабежамъ.

Въ 1853 году рѣшено было, во что бы то ни стало, утвердиться въ Акмечети. Тотчасъ же были начаты приготовленія, а раннею весною 1853 года войска выступили уже съ линіи.

Экспедиціонный отрядъ, въ составѣ 2,168 человекъ, 2,442 лошади, 12 орудій, при транспортѣ въ 2,000 верблюдовъ, 230 воловъ и 500 повозокъ, выступилъ двумя колоннами изъ Оренбурга 25-го апрѣля, а изъ Орска 4-го мая. Участіе въ экспедиціи впослѣдствіи долженъ былъ принять и пароходъ аральской флотиліи „Перовскій“.

Не входя въ подробное описаніе этого похода, а также осады и взятія Перовскимъ крѣпости Акмечеть, скажемъ обо всемъ этомъ лишь нѣсколько словъ (*).

Несмотря на то, что непріятель для обороны крѣпости Акмечеть имѣлъ всего только 300 человекъ и 3 орудія, мы брали крѣпость болѣе трехъ недѣль (со 2-го по 24-е іюля). Такая медленность главнымъ образомъ произошла оттого, что мы вовсе не были ознакомлены съ способомъ осады средне-азіятскихъ крѣпостей: Акмечеть было первое укрѣпленіе, которое намъ приходилось брать силою. При томъ отвѣтственность за экспедицію вполне взялъ на себя генералъ Перовскій. Если припомнимъ, что за нимъ была неудача хивинскаго похода, зимою 1839 года, то станетъ понятнымъ, почему Перовскій при осадѣ Акмечети дѣйствовалъ крайне осторожно. Не слѣдуетъ также забывать, что первоначальныя осадныя работы были открыты по всѣмъ правиламъ инженернаго дѣла: первыя траншеи были заложены на дальнемъ разстояніи, къ крѣпости подходили апрошами, возведено было пять батарей. Все это, конечно, значительно замедляло взятіе крѣпости, толстая, глиняная стѣна которой плохо поддавалась дѣйствію снарядовъ нашей полевой артиллеріи.

Окрестные киргизы, видя, что прошло уже почти три недѣли со времени прибытія русскихъ войскъ подъ Акмечеть, а крѣпость все еще не взята, начали поговаривать, что она и никогда не перейдетъ въ наши руки. Съ другой стороны стали доходить слухи, что изъ Ташкента на помощь Акъ-Мечети идетъ сильный коканскій отрядъ. Все это вмѣстѣ заставило Перовскаго принять болѣе рѣшительныя мѣры. По его распоряженію, частью войскъ нашего отряда произведенъ былъ поискъ къ укрѣпленію Джулекъ, находящемуся на ташкентской дорогѣ и въ 150 верстахъ отъ Акмечети. Коканскій гарнизонъ Джулека, узнавъ о движеніи къ нему нашего отряда, бѣжалъ изъ крѣпости, не успѣвши забрать даже оружія. Войска наши заняли оставленное укрѣпленіе, взорвали его стѣны и возвратились въ лагерь подъ Акмечеть, привезя съ собою взятое въ Джулекъ оружіе и порохъ.

(*). Желающимъ подробно ознакомиться съ описаніемъ экспедиціи Перовскаго противъ крѣпости Акмечеть рекомендуемъ прочесть статью г. Зыкова: „Очеркъ утвержденія русскаго владычества на Аральскомъ морѣ и Сыръ-Дарьѣ“. „Морской Сборникъ“ 1862 года, № 6.

Разсчитывая на то, что взятіе и разореніе нами Джулека должно было сильно уронить духъ защитниковъ Акмечети, потерявшихъ всякую надежду на скорую помощь, Перовскій рѣшился, взорвавъ минами часть крѣпостной стѣны, взять городъ штурмомъ.

На разсвѣтъ 27-го іюля, послѣ удачнаго взрыва, войска наши пошли на штурмъ и черезъ двадцать минутъ Акмечеть была въ нашихъ рукахъ.

Взятая крѣпость была исправлена, вооружена, занята гарнизономъ и переименована въ фортъ „Перовскій“. Въ это же время на низовьяхъ Сыръ-Дарьи были возведены еще три укрѣпленія: форты № 1 (Казала), № 2 (Кормакчи) и № 3 (*).

Овладеніе Акмечетью произвело сильное впечатлѣніе на коканцевъ. Акмечеть былъ весьма важный для нихъ пунктъ въ военномъ, торговомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, и надо было ожидать, что, когда дѣла коканцевъ придутъ въ порядокъ, они сдѣлаютъ, можетъ быть, не одну попытку, чтобы снова овладѣть крѣпостью.

Ожидать пришлось не долго. Въ томъ же году, 21-го августа, лазутчики доставили въ фортъ „Перовскій“ положительныя извѣстія о томъ, что значительный отрядъ коканцевъ, выступивъ изъ Ташкента подъ предводительствомъ самого правителя этого города, Сабданъ-Ходжи, миновалъ Туркестанъ и занялъ разрушенное нами укрѣпленіе Джулекъ. Вслѣдъ затѣмъ получено было извѣстіе о движеніи непріятеля къ форту „Перовскій“. Для рекогносцировки приближавшагося непріятеля и для отраженія его былъ посланъ отрядъ изъ 275 человекъ при 3 орудіяхъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Бородина, который, двинувшись противъ непріятеля, встрѣтилъ его въ 28 верстахъ отъ форта, при урочищѣ *Кума-суата*. Едва отрядъ нашъ успѣлъ выстроиться въ боевой порядокъ, какъ густыя толпы коннаго непріятеля съ крикомъ бросились впередъ. Первый натискъ былъ отраженъ картечью и батальнымъ огнемъ; но коканцы повторяли свои атаки съ 11 часовъ утра до самыхъ сумерекъ. Утомясь боемъ и потерявъ значительное число убитыхъ и раненыхъ, они зажгли кругомъ нашей позиціи огни и расположились, повидимому, на ночь.

Окруженный непріателемъ, потерявъ уже 5 человекъ убитыми и имѣя 21 человекъ раненыхъ, Бородинъ послалъ въ

(*). Упраздненное въ 1855 году.

фортъ просить подкрѣпленія. Съ этою цѣлю отправились ночью вплавь два казака и три киргиза. Подкрѣпленіе, въ числѣ 200 человекъ пѣхоты и казаковъ, при одномъ орудіи, прибыло къ отряду около полудня 25-го августа. Но помощь была уже ненужна: еще передъ разсвѣтомъ секретные наши посты услышали движеніе въ непріятельской толпѣ, а съ разсвѣтомъ обнаружилось, что коканцы снялись и, отступая съ поспѣшностью, скрылись изъ виду. Посланные для преслѣдованія казаки не могли настичь непріятели, неостановившагося даже въ Джулекѣ. Потеря коканцевъ въ этомъ дѣлѣ доходила до 192 человекъ убитыми; раненыхъ же увезли они, по словамъ киргизовъ, на 96 верблюдахъ. Общая численность непріятели простиралась болѣе чѣмъ до 7,000.

Между тѣмъ, возвращавшіеся изъ Кокана купцы съ товарами и киргизы приносили извѣстія, что въ Туркестанѣ безпрестанно подвозятъ съѣстные припасы, порохъ и свинець. Распространился также слухъ, что самъ ханъ коканскій намѣревается пріѣхать въ Туркестанъ съ тѣмъ, чтобы зимою, когда замерзнетъ Сыръ-Дарья, идти къ форту „Перовскій“.

Положеніе сыръ-дарьинской линіи въ это время было еще далеко необезпечено; выслать же зимою подкрѣпленіе къ форту „Перовскій“ не представлялось никакой возможности. Зимняя экспедиція безъ особыхъ приготовленій предпринята быть не могла. Впрочемъ гарнизонъ форта былъ относительно довольно силенъ: онъ состоялъ изъ 1,055 человекъ строевыхъ чиновъ, при 14 орудіяхъ и 5 мортирахъ. Провіантомъ и прочими припасами и снарядами фортъ былъ снабженъ на полтора года. При такихъ условіяхъ можно было надѣяться на успѣхъ въ случаѣ новаго покушенія.

Положеніе фортовъ №№ 2 и 3-го было гораздо затруднительнѣе. За отдаленностью, имъ не могло быть подано никакой помощи изъ форта „Перовскій“.

Въ такомъ положеніи находились наши укрѣпленія на сыръ-дарьинской линіи, когда 14-го декабря, коканцы, въ числѣ отъ 12 до 13 тысячъ человекъ, съ 17 мѣдными орудіями, подступили къ форту „Перовскій“. Занявъ лагерь на лѣвомъ берегу Сыра, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ форта, они, въ теченіе 14, 15, 16 и 17-го чиселъ, пытались окружить крѣпость со всѣхъ сторонъ, но всякій разъ принуждены были возвращаться въ безпорядкѣ. Дѣйствіе непріятельской арти-

леріи не причиняло намъ никакого вреда, между тѣмъ какъ огонь нашихъ орудій наносилъ имъ большой уронъ. Подполковникъ Огаревъ, начальствовавшій въ фортѣ „Перовскій“, сознавая невыгоду находиться долгое время въ осадѣ, рѣшился, несмотря на неравенство силъ, сдѣлать неожиданное нападеніе на непріятели.

18-го числа, на разсвѣтѣ, онъ выслалъ съ этою цѣлю отрядъ въ 550 человекъ при четырехъ орудіяхъ и двухъ ракетныхъ станкахъ подъ начальствомъ маіора Шкупа, который, пользуясь туманомъ, подошелъ къ непріятельскому лагерю на разстояніи 400 сажень, занявъ песчанья возвышенности и въ шесть съ половиною часовъ утра открылъ бѣглый артиллерійскій огонь. Непріятель отвѣчалъ сначала тѣмъ же, потомъ произвелъ нѣсколько атакъ съ фронта и съ фланговъ; всѣ атаки были отбиты картечью и ружейною пальбою. Наконецъ, непріятель окружилъ со всѣхъ сторонъ нашъ отрядъ, напирая особенно съ тыла и съ фланговъ. Положеніе отряда становилось затруднительнымъ; но маіоръ Шкупъ далъ удачный оборотъ дѣлу. Замѣтивъ, что число коканцевъ при артилеріи и въ лагерь значительно уменьшилось, онъ бросился съ частью своего отряда впередъ, опрокинулъ непріятельскихъ стрѣлковъ и стремительно атаковалъ коканскую артилерію. Защитники ея обратились въ безпорядочное бѣгство, оставивъ въ нашихъ рукахъ всѣ орудія и весь обозъ. Между тѣмъ, оставленная на позиціи часть отряда выдерживала сильный ружейный огонь и вступила даже въ рукопашный бой, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока коканцы, устрашенные пламенемъ зажженного ихъ лагеря и атакованные высланными изъ форта двумя отрядами, каждый изъ 80 человекъ, при одномъ орудіи, не отступили поспѣшно. Дѣло кончилось въ 12 часовъ. Коканцы потеряли до двухъ тысячъ человекъ убитыми; наша же потеря состояла изъ 18 убитыхъ и 49 раненыхъ. Трофеями нашими были 17 орудій и 130 пудовъ пороху.

Сраженія при Кумъ-Суатѣ и фортѣ „Перовскій“ были первыя наши дѣла съ азіятцами въ открытомъ полѣ, и потому мы съ намѣреніемъ рассказали ихъ болѣе подробно.

Затѣмъ, въ теченіе всей восточной войны съ 1854 по 1856 г. ничего особеннаго на сыръ-дарьинской линіи не происходило, несмотря на то, что безпрестанно возобновлялись извѣстія о приготовленіяхъ коканцевъ къ походу противъ насъ. Слухи не

оправдались и наши войска оставались спокойными на Сырь-Дарьѣ до лѣта 1856 года (*). Въ этомъ же году былъ посланъ отрядъ на лѣвый берегъ Сырь-Дарьи для разрушенія тамъ только-что оставленнаго хивинцами укрѣпленія Хаджи-Ніаса (**). Съ этого времени хивинцы больше не заявляли своихъ притязаній на низовье Сырь-Дарьи, оставивъ его навсегда въ рукахъ нашихъ.

Но если мы были совершенно обезпечены со стороны Хивы, то нельзя было сказать того же относительно коканцевъ. Вотъ почему признано было необходимымъ для обезпеченія форта „Перовскій“ занять коканское укрѣпленіе Джулекъ, что и было исполнено весною 1861 года; осенью того же года было взято и разрушено другое коканское укрѣпленіе, Яны-Курганъ (***)).

Такимъ образомъ, къ концу 1861 года, для обезпеченія нашей границы на сырь-дарьинской линіи мы имѣли слѣдующія укрѣпленія: фортъ № 1, фортъ № 2, фортъ „Перовскій“ и Джулекъ. При ближайшемъ, однако, разсмотрѣніи, линія эта во многомъ не удовлетворяла своему назначенію. Начиная съ того, что наши укрѣпленія, находясь другъ отъ друга на значительномъ разстояніи, не были въ состояніи вполнѣ охранять эту границу отъ хищническихъ набѣговъ со стороны средне-азіатскихъ владѣній, въ промежутокъ между сырь-дарьинскою и сибирскою линіями нашихъ укрѣпленій, коканцы имѣли полную возможность прорываться какъ въ Сибирскую, такъ и Оренбургскую степь и грабить нашихъ киргизовъ. Далѣе, торговля сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою также не могли быть вполнѣ обезпечены гарнизонами нашихъ фор-

(*) Въ самой же киргизской степи въ этотъ періодъ времени усилились набѣги киргизскихъ шаекъ извѣстнаго въ то время мятежника Исеть-Кутеборова, противъ которыхъ не разъ и были посылаемы наши отряды.

(**) Укрѣпленіе Хаджи-Ніасъ было построено хивинцами въ 1846 году на одномъ изъ рукавовъ Сыра, Куванъ-Дарьѣ, въ 85 верстахъ къ юго-западу отъ нашего форта № 2. Это былъ самый дальній укрѣпленный пунктъ на сѣверѣ хивинскихъ владѣній. Пунктъ этотъ былъ важенъ для Хивы не столько въ военномъ, какъ въ финансовомъ отношеніи. Черезъ него проходили караваны изъ Бухары въ Россію и обратно; съ нихъ-то и собирали хивинцы значительную пошлину. Съ этою цѣлью здѣсь находился хивинскій гарнизонъ въ 100 человекъ. Въ 1856 году въ Хивѣ происходили внутренніе беспорядки: нѣсколько хановъ оспаривали власть одинъ у другаго; этимъ воспользовались киргизы, кочующіе въ окрестностяхъ Хаджа-Ніаса, издавна недовольные хивинскимъ правительствомъ: имъ удалось изгнать гарнизонъ и расхитить все имущество, находившееся въ Хаджи-Ніасѣ.

(***) См. „Морской Сборникъ“ 1862 года, № 6, стр. 344.

товъ. По своей малочисленности, конвоированіе и защиту каравановъ гарнизонъ на себя принять не могъ; наконецъ и въ хозяйственномъ отношеніи здѣшніе гарнизоны наши были поставлены далеко не въ выгодное положеніе: все необходимое, начиная съ провіанта, имъ приходилось получать изъ Оренбурга. Между тѣмъ, на пространствѣ между Джулекомъ и сибирскимъ укрѣпленіемъ „Вѣрное“ находилась часть коканскаго ханства, славящаяся своимъ прекраснымъ климатомъ, плодородіемъ почвы и обширными угодьями. Приобрѣтеніе этого пространства сулило намъ многое: во-первыхъ, являлась возможность соединить разрозненныя границы сырь-дарьинской и сибирской линій; во-вторыхъ, обезпечить мѣстными средствами содержаніе нашихъ гарнизоновъ.

Необходимость соединенія передовыхъ линій оренбургскихъ и сибирскихъ границъ, какъ мы уже замѣтили, признавалась давно, но къ осуществленію этой мысли приступлено было лишь въ 1864 году (*). Прежде, однакожъ, чѣмъ перейти къ разсказу о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, имѣвшихъ цѣлью соединеніе границъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о нашемъ водвореніи въ киргизской степи со стороны Сибири.

Одновременно съ занятіемъ низовой Сырь-Дарьи, мы начали подвигаться къ средне-азіатскимъ землямъ со стороны Сибири. Еще прежде, для водворенія нашего въ степи киргизовъ Средней Орды, со стороны Сибири, мы начали образовывать въ ней такъ называемые приказы и при нихъ заводили русскіе осѣдлые пункты. Такъ, между прочимъ, въ 1831 году, здѣсь былъ основанъ приказъ Аягузскій, впоследствии переименованный въ г. Сергіополь. Въ 1847 году, для защиты киргизовъ Большой Орды, принявшихъ въ этомъ году наше подданство и кочующихъ за рѣкой Караталомъ (**), въ заилійскомъ краѣ, нами было возведено укрѣпленіе Копаль. Съ занятіемъ же Семирѣчинскаго края, мы возвели укрѣпленіе Вѣрное (Алматы) (***)).

Въ краѣ этомъ намъ приходилось быть на сторожѣ отъ ко-

(*) Мысль о соединеніи границъ возникла еще въ 1834 году, по предложенію производившаго обзоръ степей генеральнаго штаба подполковника (нынѣ генераль-адъютанта) Веригина.

(**) Впадаетъ въ озеро Балхашъ.

(***) Въ это же время, въ 1854 году, въ Семирѣчинскомъ краѣ были поселены 9-й и 10-й полки Сибирскаго казачьяго войска, что нынѣ Семирѣчинское.

чующихъ по сосѣдству дико-каменныхъ киргизовъ, а также и отъ китайцевъ, у которыхъ были замѣтны военныя приготовления. Главная же опасность угрожала здѣсь намъ со стороны коканцевъ. Потерпѣвъ поражение на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, они рѣшились перенести свои военныя дѣйствія противъ русскихъ въ заилійскій край.

Чтобы обезпечить и съ этой стороны наши границы, въ 1860 году сюда былъ посланъ изъ Петербурга генеральнаго штаба полковникъ Циммерманъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ), который, разбивъ на голову близъ укрѣпленія „Вѣрнаго“ 3,000 коканцевъ, двинулся съ отрядомъ (*) въ зачуйскій край, гдѣ взялъ и уничтожилъ коканскія укрѣпленія „Токмакъ“ и „Пешпекъ“. Осада и взятіе Пешпека длились всего 5 дней, изъ чего нельзя не замѣтить, что, со времени взятія Акмечети, наши военныя дѣйствія противъ средне-азіатскихъ крѣпостей становятся болѣе рѣшительными. Нужно, однако, замѣтить, что взятіе и разрушеніе сказанныхъ укрѣпленій не повело ни къ чему: коканцы не только ихъ возобновили, но въ слѣдующемъ, 1861, году, сдѣлали нападеніе на нашъ Узунъ-Агачскій постъ. Сборище ихъ простиралось до 20,000 человекъ. Встрѣченные начальникомъ Семирѣченской области подполковникомъ Колпаковскимъ, коканцы, разумѣется, были разбиты и прогнаны. Замѣчательно, что въ этомъ дѣлѣ наша пѣхота ходила въ атаку противъ непріятельской кавалеріи.

Съ Узунъ-Агачскаго дѣла коканцы не отваживались уже производить на насъ нападеніе въ значительныхъ силахъ, и военныя дѣйствія были возобновлены лишь въ 1864 году, съ движеніемъ полковника Черняева въ Туркестанскую область.

Для полноты разсказа слѣдуетъ еще упомянуть, что, въ 1862 году, со стороны Сибири, войска наши имѣли дѣло съ китайцами на рѣкѣ Тупѣ (**).

Несмотря на то, что часть кара-киргизовъ, кочующихъ у озера Иссыкъ-Куль, считалась подданными Россіи, китайцы вздумали занять наши земли. Обстоятельство это вынудило послать къ Иссыкъ-Кулю отрядъ, съ неожиданнымъ появленіемъ котораго китайскія войска тотчасъ же послѣшно отступили и съ тѣхъ поръ здѣсь не появлялись, отказавшись отъ притязаній на земли, сопредѣльныя озеру Иссыкъ-Куль и верховьямъ

(*) 6 ротъ пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ и 13 орудій.

(**) Рѣка Тупъ впадаетъ въ озеро Иссыкъ-Куль, съ восточной его стороны.

рѣки Нарынъ. До этого же времени, озеро Иссыкъ-Куль не считалось ни русскимъ, ни китайскимъ, ни коканскимъ.

На рѣкѣ Нарынѣ мы возводимъ теперь укрѣпленіе, для обезпеченія пути въ Кашгаръ и для поддержанія нашей власти надъ кочующими здѣсь кара-киргизами.

Хотя съ 1861 года, какъ мы сказали, коканцы прекратили вторженія въ наши предѣлы, но нельзя было ручаться, чтобы спокойствіе могло быть продолжительно, и потому для лучшаго обезпеченія нашихъ границъ рѣшено было приступить къ соединенію сибирской и оренбургскихъ линій. Въ 1863 году предварительно были высланы два рекогносцировочные отряда: со стороны Сыръ-Дарьи полковника Черняева, со стороны Сибири подполковника Лерхе. Первый успѣлъ дойти до хребта Каратау, а второй до укрѣпленія Аулиеата, послѣ чего оба отряда возвратились, и только въ слѣдующемъ году приступлено было съ нашей стороны къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Съ этого времени и начинается быстрое занятіе нами Туркестанскаго края.

Наши военныя дѣла въ этомъ краѣ такъ еще недавно и притомъ такъ подробно описаны въ „Военномъ Сборникѣ“, что распространяться о нихъ было бы излишнимъ. Мы напомнимъ о нихъ лишь вкратцѣ, на сколько то необходимо для связи разсказа и окончательныхъ выводовъ о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ средне-азіатскихъ земляхъ.

Для соединенія нашихъ сибирской и оренбургской границъ, въ 1864 году рѣшено было, какъ извѣстно, дѣйствовать одновременно двумя отрядами, для чего и были назначены со стороны Сибири, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника (нынѣ генералъ-маіора) Черняева, отрядъ силою около 2,500, а со стороны Оренбургскаго края, подъ начальствомъ полковника (нынѣ генералъ-маіора) Веревкина, другой отрядъ, силою около 1,200 человекъ. Первоначально предполагалось провести новую линію отъ Аулиеата, вдоль идущаго здѣсь не большаго Каратаусскаго хребта, на Сузакъ и Джукель; но потомъ линія эта была выдвинута на Чемкентъ. Въ томъ же году всѣ предположенія были исполнены: въ іюнь были взяты Черняевымъ Аулиеата, Веревкинымъ Туркестанъ, а въ сентябрѣ Черняевымъ, подъ начальствомъ котораго соединены оба отряда, заняты и Чемкентъ.

Такимъ образомъ, давнее предположеніе о соединеніи оренбургскихъ и сибирскихъ границъ было наконецъ приведено въ исполненіе.

Все, казалось, вполне соответствовало тѣмъ желаніямъ, какія правительство имѣло въ виду по устройству средне-азіатскихъ границъ. Мы замкнули наши степи, вышли изъ нихъ на пространство хлѣбородное, давшее возможность до-вольствовать войска мѣстными средствами, слѣдовательно и сосредоточивать ихъ по произволу. Но такъ казалось издали; на самомъ же мѣстѣ положеніе нашихъ экспедиціонныхъ отрядовъ было незавидное. Занятая страна была переполнена шайками; коканцы собирались въ огромныхъ силахъ; приближалась зима. Все это заставило распоряжавшагося военными дѣйствіями на мѣстѣ генерала Черняева дѣйствовать рѣшительно и подъ вліяніемъ одержанныхъ имъ побѣдъ идти къ Ташкенту, взятіе котораго, какъ оказалось впоследствии, было дѣломъ нетруднымъ. Спустя нѣсколько дней по занятіи Чемкента, генералъ Черняевъ двинулся къ Ташкенту и, подойдя къ его стѣнамъ, 2-го октября штурмовалъ часть города; но попытка, на этотъ разъ, не удалась и отрядъ нашъ возвратился въ Чемкентъ.

Между тѣмъ, коканцы, подобно тому какъ въ 1853 году, когда тотчасъ по занятіи форта „Перовскій“ ими произведено было нападеніе на этотъ фортъ, и какъ вскорѣ послѣ разоренія Пишпека ими сдѣлано было вторженіе въ наши предѣлы, они и въ концѣ 1864 года вторглись во вновь занятый нами край по направленію отъ Ташкента къ Туркестану. Ихъ постигла прежняя участь.

Всѣ усилія вторгнувшагося, подъ личнымъ начальствомъ тогдашняго правителя Кокана Алимкула, 12,000-го скопища разбили о стойкость одной уральской сотни, подъ начальствомъ есаула Сѣрова. Какъ извѣстно, сотню эту коканцы держали три дня въ строгой блокадѣ, перебили большую половину казаковъ, но не могли помѣшать уцѣлѣвшимъ уральцамъ пробиться и въ порядкѣ отступить къ Туркестану.

Между тѣмъ, въ началѣ 1865 года, изъ вновь занятаго края, съ присоединеніемъ къ нему прежней сыр-дарьинской линіи, тогда же была образована Туркестанская область, съ подчиненіемъ ея оренбургскому генералъ-губернатору, и кромѣ войскъ тамъ уже находившихся, которыя вмѣстѣ съ образованіемъ обла-

сти всѣ поступили въ распоряженіе генерала Черняева, назначеннаго губернаторомъ области и командующимъ въ ней войсками, туда же были направлены войска изъ Оренбурга и изъ западной Сибири. Общую численность войскъ въ новой области, къ сентябрю 1865 г., предполагалось довести до такой цифры, которой не только было бы достаточно для надежной обороны вновь занятаго края, но и для возможности имѣть на всякій случай резервъ для дѣйствія въ полѣ.

Не утверждая предположеній генерала Черняева относительно занятія Ташкента, наше правительство не считало, однако, удобнымъ слишкомъ стѣснять этого главнаго распорядителя на мѣстѣ, на личной отвѣтственности котораго лежала оборона края въ то время совершенно невѣдомаго. Для лучшаго же разъясненія положенія дѣлъ, вновь назначенный тогда въ Оренбургъ генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій, долженъ былъ въ теченіе лѣта 1865 г. лично объѣхать край и представить свои соображенія по этому предмету.

Слухи, полученные генераломъ Черняевымъ въ апрѣлѣ 1865 года о сборѣ бухарскихъ войскъ въ Ура-Тюпе, и совершенно основательныя опасенія, чтобы эмиръ бухарскій не овладѣлъ Ташкентомъ, побудили военнаго губернатора Туркестанской области немедленно предпринять наступательныя дѣйствія. Первоначальная цѣль дѣйствій была направлена только къ тому, чтобы поставить Ташкентъ въ положеніе отъ насъ зависимое и тѣмъ заставить его намъ подчиниться (*).

Въ этихъ видахъ генералъ Черняевъ двинулся съ своимъ отрядомъ къ коканскому укрѣпленію Ніязбекъ, владѣющему водами Ташкента, и, послѣ двухдневнаго упорнаго сопротивленія коканцевъ, овладѣлъ укрѣпленіемъ 29-го апрѣля. Оставивъ въ Ніязбекѣ небольшой гарнизонъ, генералъ Черняевъ направился къ Ташкенту, и 7-го мая расположился въ 8 верстахъ отъ этого города. Между тѣмъ, гарнизонъ Ташкента былъ усиленъ, и самъ правитель Коканскаго ханства поспѣшилъ къ нему на помощь. 9-го мая была произведена изъ

(*) Въ это время въ Ташкентѣ образовались партіи: 1) коканская, состоявшая изъ чиновниковъ и войскъ; партія незначительная, и ей не сочувствовалъ народъ, такъ какъ коканцы его притѣсняли; 2) бухарская партія—духовенство, весьма сильное и вліятельное; 3) русская партія—самая сильная; торговцы всѣ были на ея сторонѣ, а въ Ташкентѣ всѣ сарты торговцы, и 4) партія независимости. Всѣ благоразумные жители понимали, однако, что Ташкентъ независимо существовать не въ силахъ.

Ташкента большая вылазка, въ числѣ 7,000 человекъ съ артилеріею, подъ личнымъ начальствомъ Алимкула. Непрiятель былъ разбитъ, потерялъ два орудія, а самъ Алимкула смертельно раненъ. Смерть Алимкула, по мнѣнію г. Романовскаго, была невыгодна для коканцевъ, ибо дала возможность усилиться въ Ташкентѣ приверженцамъ Бухары. Желая прекратить доступъ бухарцамъ къ Ташкенту, генералъ Черняевъ съ частію своихъ войскъ двинулся къ укрѣпленію Чиназу, лежащему на дорогѣ въ Бухару. Такимъ образомъ, Ташкентъ былъ обложенъ съ трехъ сторонъ и овладѣніе городомъ не могло уже быть труднымъ. Послѣ трехднѣвнаго боя на стѣнахъ и въ улицахъ, Ташкентъ былъ взятъ нами открытою силою, т. е. штурмомъ.

Въ военномъ отношеніи успѣхъ былъ блистательный; но для насъ это пріобрѣтеніе, при недостаточности войскъ, не могло не затруднить нашего общаго положенія въ край. Хотя, тотчасъ по полученіи извѣстій о занятіи Ташкента, на усиленіе войскъ Туркестанской области и были двинуты подкрѣпленія изъ Оренбурга и съ Волги, но дослѣднія прибыли въ Оренбургъ лишь осенью, и оренбургское начальство нашло невозможнымъ отправить ихъ по назначенію ранѣе слѣдующей весны, почему они пришли въ Туркестанскую область только въ октябрѣ 1866 г.

Между тѣмъ, эмиръ бухарскій, почти одновременно съ занятіемъ нами Ташкента, овладѣвшій Ходжентомъ и Коканомъ, перешелъ изъ дружественнаго въ угрожающее къ намъ положеніе. Пришлось для обузданія его прибѣгнуть къ прекращенію торговли съ Бухарою и къ арестованію всѣхъ находившихся въ области бухарцевъ съ ихъ товарами. Въ половинѣ же іюля и всѣ находившіеся въ Оренбургѣ бухарскіе подданные были арестованы, а товары ихъ секвестрованы. Эмиръ не открылъ противъ насъ непріязненныхъ дѣйствій, но въ свою очередь арестовалъ находившихся въ Бухарѣ нашихъ купцовъ съ ихъ товарами.

Въ августѣ прибыли небольшія подкрѣпленія изъ Оренбурга, но ихъ было едва достаточно, чтобы занять, по крайней мѣрѣ, ближайшую къ Ташкенту часть Зачирчикскаго края (*). Такое занятіе было совершенно необходимо. Зачирчикскій край, находясь въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Ташкента, заключаетъ въ себѣ очень много полей, принадле-

(*) Рѣка Чирчикъ находится отъ Ташкента въ разстояніи только 9 верстъ.

жащихъ жителямъ города, и всегда составлялъ, такъ сказать, житницу для ташкентцевъ.

Въ сентябрѣ, оренбургскій генералъ-губернаторъ прибылъ въ край и былъ встрѣченъ на Сыръ-Дарьѣ посольствомъ отъ эмира бухарскаго, просившимъ дозволенія для окончательныхъ переговоровъ отправиться въ Петербургъ и вести ихъ прямо съ высшимъ правительствомъ. Такъ какъ генералъ-губернатору было уже предоставлено право вести переговоры съ эмиромъ, то въ просьбѣ этой посольству было отказано, и оно, въ ожиданіи новыхъ приказаній отъ эмира, осталось въ томъ мѣстѣ, гдѣ было встрѣчено генералъ-губернаторомъ, въ форть № 1-й, на Сыръ-Дарьѣ.

По пріѣздѣ своемъ въ Ташкентъ, генералъ Крыжановскій приступилъ къ обсужденію вопроса объ окончательномъ устройствѣ этого города. По его мнѣнію, обладаніе Ташкентомъ было для насъ невыгодно и потому онъ полагалъ, что лучше всего изъ этого города устроить совершенно независимое владѣніе. Генералъ Черняевъ, хорошо знавшій настроеніе умовъ края, былъ, напротивъ, того мнѣнія, что Ташкентъ слѣдуетъ непремѣнно присоединить къ Россіи (*), тѣмъ болѣе, что ташкентцы сами просили о томъ въ поданномъ ими адресѣ. Разрѣшеніе возникшаго разномыслія генералъ Крыжановскій призналъ необходимымъ представить на усмотрѣніе высшаго правительства, самъ же вскорѣ уѣхалъ изъ края. По его отъѣздѣ дѣла въ области еще болѣе усложнились. Желая скорѣе возстановить дружественныя отношенія къ Бухарѣ и возобновить прекратившуюся торговлю, генералъ Черняевъ въ концѣ 1865 года, по настоятельной просьбѣ эмира, отправилъ въ Бухару посольство изъ нѣсколькихъ лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Эмиръ отважился задержать это посольство. Тогда генералъ Черняевъ нашелся вынужденнымъ открыть, для его освобожденія, наступательныя дѣйствія, собралъ въ январѣ 1866 года отрядъ въ Чиназѣ и двинулся къ Джизаку.

Получивъ извѣстіе, что посольство наше будетъ вскорѣ возвращено и что оно уже находится на пути къ Самарканду, генералъ Черняевъ, не желая напрасно подвергать войска различнымъ лишеніямъ въ неприютной степи, отвелъ отрядъ свой къ Чиназу. Такъ какъ эмиръ бухарскій не сдержалъ своего обѣщанія относительно высылки нашего посольства, то весною

(*) См. сочиненіе генерала Романовскаго, стр. 35.

генераль Черняевъ снова началъ готовиться къ походу, но 27-го марта былъ отозванъ въ Петербургъ и на мѣсто его присланъ генераль Романовскій.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о двухлѣтней дѣятельности въ краѣ генерала Черняева.

Въ это короткое время генераль Черняевъ, рядомъ блистательныхъ побѣдъ, далъ намъ возможность стать твердою ногою въ Средней Азии и отъ прежней пассивной политики перейти къ активной, что, безъ сомнѣнія, доставило намъ громадное значеніе въ дѣлахъ дальняго востока.

Личными своими качествами генераль Черняевъ умѣлъ свискать себѣ полное уваженіе и довѣренность туземнаго населенія, что также во многихъ отношеніяхъ не маловажно, особенно въ Азии. Можно сказать нисколько не преувеличивая, что личное вліяніе этого генерала много способствовало скорому водворенію порядка въ краѣ, послѣ занятія онаго; уничтоженіе здѣсь рабства обязано также ему. О военныхъ доблестяхъ генерала Черняева говорить не будемъ; скажемъ только, что войска его обожали и по его слову съ охотою шли на всякую опасность, труды и лишения.

Но ни рядъ побѣдъ, одержанныхъ генераломъ Черняевымъ, ни то довѣріе, которымъ онъ пользовался въ средѣ мѣстнаго населенія, не могли, конечно, разомъ покончить съ различными неудобствами и затрудненіями, вытекающими изъ естественнаго, такъ сказать, положенія вещей.

Основываясь на книгѣ г. Романовскаго, въ числѣ такихъ затрудненій первое мѣсто занимали малочисленность нашихъ войскъ, недостаточность денежныхъ средствъ, совершенное почти отсутствіе чиновниковъ для гражданскаго управленія краемъ и наконецъ, вслѣдствіе вліянія Бухары, временное охлажденіе къ намъ мѣстнаго населенія.

По словамъ г. Романовскаго, тотчасъ же по занятіи нами Ташкента была сознаана мысль о необходимости усиленія нашихъ войскъ въ Туркестанской области.

Съ этою цѣлью тогда же было сдѣлано распоряженіе о передвиженіи сюда съ Волги до 3,000 человекъ. Но по дальности и трудности пути, войска могли прибыть лишь къ августу мѣсяцу 1866 года, и потому число ихъ въ краѣ во время пріѣзда сюда генерала Романовскаго оставалось прежнее, именно всего до 13,000 человекъ.

Но изъ этой цифры до 10,000 человекъ необходимо было оставить въ гарнизонѣ различныхъ пунктовъ, для наблюденія за порядкомъ занятаго края, и лишь до 3,000 человекъ можно было, въ случаѣ нужды, употребить для военныхъ дѣйствій въ полѣ. Между тѣмъ, по положенію дѣль, война была неизбежна: бухарскій эмиръ, въ виду нашихъ предѣловъ, сосредоточивалъ громадныя скопища, по слухамъ, доходившія до 100,000 человекъ, при 100 орудіяхъ (*).

Относительно недостатка нашихъ денежныхъ средствъ въ краѣ, г. Романовскій говоритъ, что главною причиною тому было быстрое и непредвидѣнное занятіе нами Туркестанскаго края, вслѣдствіе чего правительство наше не могло заблаговременно сдѣлать соответствующихъ ассигновокъ, а потому мѣстное начальство, по необходимости, должно было для покрытія встречающихся военныхъ расходовъ употреблять суммы, назначенныя на другія потребности. Если къ этому прибавить, что своевременныя высылки въ край денегъ не мало затруднялись дальностью разстояній, то станетъ понятнымъ, какъ все это должно было стѣснить правильное веденіе отчетности и денежное довольствіе войскъ.

Что же касается собственно до гражданскаго управленія, то во время пріѣзда генерала Романовскаго въ область, въ мартѣ 1866 года, изъ 18 должностей, полагавшихся по штатамъ, было дѣйствительно занято лишь 8, да и изъ нихъ только 5 лицъ находились при своихъ мѣстахъ. Не трудно понять, на сколько вообще возможенъ былъ для насъ, при подобномъ недостаткѣ служащихъ, ближайшій дѣятельный контроль надъ всѣмъ происходившимъ въ новомъ, неустроенномъ краѣ. А между тѣмъ такой контроль становился все болѣе и болѣе необходимымъ, такъ какъ край, по словамъ г. Романовскаго, замѣтно уже входилъ въ тотъ періодъ разочарованія, безъ котораго нигдѣ и никогда не обходилось ни одно завоеваніе.

„Какъ бы ни были благодѣтельны новыя начала—говоритъ г. Романовскій—вносимыя завоевателями въ новыя чуждые имъ края, начала эти не могутъ нравиться всѣмъ одинаково, и, въ силу самыхъ обстоятельствъ, не могутъ не быть болѣе или менѣе стѣснительны для прежнихъ вліятельнѣйшихъ лицъ края и ихъ всегда многочисленныхъ друзей и приверженцевъ. Какого бы званія ни были эти прежнія вліятельнѣйшія лица края:

(*) Соч. г. Романовскаго, стр. 51.

цари, князья, дворяне, духовенство, во всякомъ случаѣ, неизбежно отходя послѣ завоеванія на второй планъ, они конечно весьма неохотно мирятся съ своимъ положеніемъ, и почти всегда не иначе, какъ послѣ продолжительной и упорной внутренней борьбы. Примѣры тому недавно представляли, да представляютъ и до сихъ поръ Италия и Германія. Кому неизвѣстно, что для уничтоженія Неаполитанскаго королевства достаточно было высадки нѣсколькихъ баталіоновъ волонтеровъ; но для водворенія прочнаго порядка, признававшагося между тѣмъ за наилучшій всею итальянскою націею, потребовалась армія въ 120,000, и притомъ не на одинъ годъ.

„Съ подобною же внутреннею борьбою совершались переходы отъ одного порядка дѣлъ къ другому и въ краяхъ, нами занимавшихся: на Кавказѣ, въ Крыму и въ Оренбургскомъ краѣ.

„Во всѣхъ этихъ краяхъ, новыя болѣе гуманныя начала, которыя вносила въ эти страны русская власть въ самое первое время завоеванія, сразу же доставили ей массу приверженцевъ, но вскорѣ затѣмъ, подъ вліяніемъ прежнихъ первостепенныхъ лицъ края, начиналась внутренняя борьба и какъ бы періодъ разочарованія. Безъ подобнаго періода мы не обошлись даже въ единовѣрной намъ Грузіи. Тамъ же, гдѣ къ различію въ языкѣ и обычаяхъ присоединяется и различіе религіи, эта внутренняя борьба еще болѣе неизбежна.

„Этотъ непреложный законъ „разочарованія“ не могъ не повториться для насъ въ Средней Азіи, съ тою лишь разницею, что здѣшніе туземцы болѣе сдержанны и что вліятельныя ихъ лица, именно духовенство, привыкли самыя оппозиціонныя свои стремленія прикрывать наружностью и формами очень смиренными“.

Благодаря вліянію этого духовенства въ краѣ начало обнаруживаться дурно-скрываемое недовольство, выражавшееся симпатіями къ бухарскому эмиру.

„Несмотря на наши давніе и непрерывные успѣхи въ Средней Азіи, несмотря на блистательныя военныя предпріятія послѣдняго времени — говоритъ г. Романовскій — мы ничѣмъ еще не успѣли доказать въ глазахъ полудикаго, замкнутаго въ своей средѣ, средне-азиатскаго народонаселенія того дѣйствительнаго превосходства Россіи надъ Бухарой, какое существуетъ на самомъ дѣлѣ. Напротивъ, все, что происхо-

дило на ихъ глазахъ, могло быть имъ истолковано не въ нашу пользу. Снисходительность и ласки, постоянно оказываемыя нашимъ правительствомъ бухарскому эмиру въ прежнее время, могло быть истолковано народу, конечно, въ пользу послѣдняго. Распространеніе бухарскихъ владѣній на счетъ Кокана на нашихъ глазахъ, какъ само собою разумѣется, еще болѣе могло убѣдить въ силѣ и могуществѣ Бухары. На послѣднія же крутыя мѣры съ нашей стороны — арестъ бухарскихъ купцовъ и товаровъ — бухарское правительство отвѣтило мѣрами еще болѣе крутыми, чѣмъ наши — арестомъ нашихъ купцовъ, нашихъ товаровъ и задержаніемъ у себя посланныхъ въ Бухару русскихъ офицеровъ и чиновниковъ.

„Всѣ эти факты мѣстное духовенство, преданное бухарскому эмиру, какъ главѣ мусульманства, ловко толкуя въ свою пользу, до того успѣло взволновать жителей, что въ самомъ Ташкентѣ образовалась партія заговорщиковъ, имѣвшая цѣлью, при помощи бухарцевъ, перерѣзать всѣхъ преданныхъ намъ ташкентцевъ“ (*).

Чтобы разомъ покончить съ столь опаснымъ положеніемъ дѣлъ, генералъ Романовскій, съ прибытіемъ въ край, вознамѣрился дѣйствовать рѣшительно противъ бухарскаго эмира, какъ главнаго виновника возникающихъ замѣшательствъ.

Прежде всего бухарскому эмиру сдѣлано было предложеніе безотлагательно возвратитъ наше посольство и удалить всѣ свои войска отъ нашихъ предѣловъ; но уклончивый отвѣтъ, данный эмиромъ, и въ то же время появленіе конныхъ бухарскихъ партій, даже вблизи Ташкента, вынудили генерала Романовскаго, не тратя напрасно времени въ бесполезныхъ переговорахъ, перейти прямо къ военнымъ дѣйствіямъ.

Дѣйствующій отрядъ нашъ, выступивъ изъ Чиназа, двинулся къ югу вдоль лѣваго берега Сыръ-Дарьи по направленію къ урочищу Ирджаръ, гдѣ были расположены главныя силы бухарцевъ. Какъ извѣстно, 8-го мая произошло ирджарское сраженіе.

Армія эмира, доселѣ считавшаяся непобѣдимую, была наголову разбита и въ страшномъ беспорядкѣ отступила къ Самарканду.

Послѣ ирджарскаго сраженія намъ оставалось: или, преслѣдуя по пятамъ разбитыхъ бухарцевъ, идти на Дзакъ (Джизакъ),

(*) Соч. Романовскаго, стр. 63.

Самаркандъ и далѣе, или двинуться вверхъ по Сыръ-Дарьѣ на укрѣпленіе Нау и Ходжентъ. Изъ этихъ двухъ направленій выбрано было послѣднее, на томъ основаніи, что овладѣніе Ходжентомъ давало намъ возможность разъединить коканскія владѣнія отъ бухарскихъ, что въ военномъ отношеніи представляло значительныя выгоды. Послѣ осемидневной осады, 24-го мая, Ходжентъ былъ взятъ нами штурмомъ.

Взятіе Ходжента и въ особенности ирджарская побѣда, прогремѣвшая на всю Среднюю Азію, имѣли самыя выгодныя для насъ послѣдствія: наше посольство тотчасъ же было возвращено изъ Бухары; коканскій ханъ, съ которымъ мы съ самаго занятія Ташкента не имѣли уже военныхъ столкновеній, прислалъ поздравленіе съ побѣдою, выражая готовность всячески содѣйствовать восстановленію мирныхъ отношеній; но, что всего важнѣе, населеніе занятаго нами края, видимо успокоилось и присмирѣло. Между прочимъ, по словамъ г. Романовскаго, нѣкоторые изъ туземцевъ, замѣшанные въ сношеніяхъ съ Бухарою, наивно сознавались, что они никакъ не могли себя представить, чтобы наши войска могли побѣдить такого могущественнаго владыку, какъ эмиръ. Въ скоромъ времени въ Ташкентъ прибыли отъ бухарскаго эмира послы съ предложеніемъ миромъ покончить возникшія столкновенія. Казалось, все предвѣщало скорое водвореніе мирныхъ занятій въ краѣ. Надежды эти, однакожь, не оправдались. Взаимное довѣріе между нами и нашими сосѣдями, равно какъ и тѣсно съ нимъ связанное полное спокойствіе въ краѣ, продолжались недолго.

Въ началѣ іюля прошелъ странный слухъ изъ Бухары, будто бы купцы наши, сперва отпущенные изъ Бухары со всѣми своими товарами, были потомъ остановлены, что эмиръ, почему-то усомнившись въ возвращеніи отъ насъ его подданныхъ, сталъ опасаться съ нашей стороны какихъ-то затаенныхъ противъ его замысловъ. Говорили, будто бы въ Бухарѣ опять собираютъ войска, усиливая въ то же время и оборону пограничныхъ съ нами крѣпостей. Затѣмъ были получены пограничныхъ съ нами крѣпостей. Затѣмъ были получены свѣдѣнія, что и въ Коканѣ возникли какія-то тревоги и опасенія. Какъ бы въ подтвержденіе такихъ странныхъ слуховъ, около того же времени произошла стычка на нашихъ передовыхъ постахъ у Нау съ аванпостами бухарцевъ, а изъ Кокана прекратился подвозъ лѣса въ Ходжентъ, въ которомъ, для начатыхъ тамъ построекъ, мы сильно нуждались.

Подобнаго рода натянутое положеніе продолжалось до вторичнаго пріѣзда въ Туркестанскую область оренбургскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Крыжановскаго. Прибывъ въ край, онъ нашелъ необходимымъ занять бухарскія крѣпости Ура-Тюпе и Дзакъ, лежащія въ проходахъ горъ, отдѣляющихъ наши владѣнія отъ бухарскихъ. Такимъ занятіемъ предполагалось окончательно лишить Коканъ и Бухару возможности коализировать свои силы и прочно утвердиться во всей долинѣ р. Сыръ-Дарьи.

Принявъ личное начальство надъ дѣйствующимъ отрядомъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій 2-го и 18-го октября взялъ штурмомъ бухарскія крѣпости Ура-Тюпе и Дзакъ.

Такимъ образомъ, къ концу 1866 года средне-азіятскія владѣнія наши были распространены на югъ до снѣжныхъ горъ Кашгаръ-давана. Около того же времени всѣ занятыя нами земли Туркестанской области, по просьбѣ жителей, были приняты въ подданство Россіи.

Но если границы наши хорошо обезпечивались на югѣ трудно-проходимыми горами, то юго-восточные наши предѣлы, смежные съ Бухарой, не только были совершенно доступны, но и рѣка Джоланъ-уты, на которой расположенъ Дзакъ, находилась въ рукахъ бухарцевъ. Послѣднее обстоятельство дало имъ возможность, въ 1867 году, запрудить эту рѣку и тѣмъ поставить гарнизонъ нашъ въ затруднительное положеніе.

Подобное дѣйствіе бухарцевъ заставило полковника Абрамова двинуться 5-го іюля къ ихъ крѣпости Яны-Кургану, занять ее и разбить наголову 45,000 бухарскихъ войскъ. Нынѣшній годъ, какъ извѣстно, также не обошлось безъ враждебныхъ столкновеній съ бухарцами: 2-го мая, на высотахъ Самарканда, армія эмира потерпѣла страшное пораженіе, послѣ чего городъ Самаркандъ, безъ всякаго сопротивленія, перешелъ въ наши руки.

VIII.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ О ДВИЖЕНІИ РУССКИХЪ ВЪ СРЕДНЮЮ АЗИЮ.

Покончивъ съ военными дѣйствіями, слѣдовало бы обратиться къ описанію мирныхъ дѣлъ, относящихся до устройства вновь занятаго края; но это выходило бы за предѣлы статьи, и потому позволяемъ себѣ перейти прямо къ нашему политическому положенію въ Средней Азіи.

Прислушиваясь къ общественному мнѣнію, нельзя не замѣтить, что иные находятъ занятіе Туркестанскаго края совершенно лишнимъ: по отзывамъ нѣкоторыхъ, такое занятіе, требуя отъ государства лишнихъ расходовъ и увеличенія войска, грозитъ, въ то же время, создать для насъ въ будущемъ нѣчто въ родѣ Кавказа. На сколько подобнаго рода отзывы основательны, мы сейчасъ увидимъ.

Начнемъ съ того, что еще въ 30-хъ годахъ для обезпеченія нашихъ оренбургскихъ и сибирскихъ границъ со стороны степи, кромѣ здѣшнихъ казачьихъ войскъ, содержалось до 25 линейныхъ баталіоновъ; въ настоящее же время, кромѣ тѣхъ же казачьихъ войскъ (1), во всѣхъ трехъ военныхъ округахъ, Оренбургскомъ, Сибирскомъ и Туркестанскомъ состоитъ только 1 стрѣлковый и 16 линейныхъ баталіоновъ (2). Хотя нѣкоторые линейные баталіоны и замѣнены губернскими, и кромѣ того вновь сформирована артилерійская бригада, но и за всѣмъ тѣмъ общая цифра регулярныхъ войскъ ниже того числа, которое было здѣсь въ прежнее время (3).

Что же касается до издержекъ на мѣстную администрацію, то онѣ съ избыткомъ удовлетворяются мѣстными доходами (4).

Итакъ, для охраненія восточныхъ и юго-восточныхъ нашихъ средне-азіатскихъ границъ, вмѣсто прежнихъ 25 баталіоновъ, мы содержимъ теперь только 17 баталіоновъ, и, чтобы ни случилось, нѣтъ сомнѣній, для нашихъ пассивныхъ и активныхъ дѣйствій въ Оренбургскомъ и Туркестанскомъ военныхъ округахъ едва-ли скоро потребуется войскъ болѣе теперешняго ихъ числа.

Относительно опасеній, чтобъ Средняя Азія не сдѣлалась для насъ новымъ Кавказомъ, скажемъ, что мнѣніе это едва ли можетъ имѣть серьезное основаніе, для тѣхъ, кто дастъ себѣ трудъ ближе взглянуть на положеніе здѣшняго населенія. Мы уже имѣли случай замѣтить, что осѣдлые жители края, сарты, по своей апатичности и чисто-мирнымъ занятіемъ вовсе не способны къ какимъ-либо энергическимъ протестамъ.

(1) Въ Уральскомъ, Оренбургскомъ, Сибирскомъ и Семирѣченскомъ казачьемъ войскѣ по 1-е января 1867 года считалось до 444,000 душъ обою пола.

(2) Собственно въ Туркестанскомъ военномъ округѣ теперь находится: 12 туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ, 1 стрѣлковый линейный баталіонъ, 3 батареи, крѣпостная артилерія и 1 саперная рота.

(3) Соч. Романовскаго, стр. 111.

(4) Тамъ же, см. прилож. № 79 и № 81.

Было бы крайне неосновательно ожидать, чтобы привыкнущіе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ безропотно подчиняться праву сильнаго, они взяли за оружіе, когда страна ихъ занята русскимъ царемъ, съ мощью и силою котораго, конечно, не можетъ сравниться ни одинъ изъ прежнихъ покорителей страны. Нельзя также допустить, чтобы и здѣшніе кочевники изъ мирныхъ и пастушескихъ народовъ могли когда-либо переродиться въ воинственныхъ кавказскихъ горцевъ. И природа, и исторія этихъ двухъ народовъ были со всѣмъ иныя. Здѣшніе кочевники, разсѣянные на огромномъ пространствѣ почти безграничныхъ степей, издавна потеряли всякую между собою связь и, нерѣдко, платя дань въ теченіе одного года тремъ различнымъ правительствамъ, издавна привыкли къ подчиненію той или другой власти. Разумѣется, чѣмъ власть эта сильнѣе, тѣмъ больше они готовы оказывать ей покорности. Если теперь припомнить, что нами было сказано о религіозныхъ понятіяхъ здѣшнихъ кочевниковъ, то едва-ли можно допустить, чтобы ихъ легко было поднять на защиту религіи. Какъ мы сказали выше, кочевники плохіе мусульмане: ни духовенства, ни мечетей, ни школъ у нихъ нѣтъ; въ этомъ отношеніи они совершенно индеферентны, слѣдовательно и безопасны.

Но, быть можетъ, возразятъ намъ, что если нынѣшнихъ войскъ достаточно для удержанія порядка въ занятомъ нами краѣ, то его будетъ мало въ случаѣ вѣшнихъ столкновеній съ сосѣдними народами?

Само собою разумѣется, что положительно отвѣчать на такіе вопросы трудно; но, вѣскольکو не предрѣшая вопроса, все же можно сказать, что и съ этой стороны ни особыхъ затрудненій, ни особыхъ опасностей предвидѣть нельзя.

Посмотримъ кто наши сосѣди въ Средней Азіи и какое вѣроятіе можетъ представиться въ столкновеніи съ ними.

Начнемъ съ ближайшаго къ намъ Кокана. Земли этого ханства почти съ трехъ сторонъ окружены нашими владѣніями и вѣроятно, рано или поздно, страна эта силою обстоятельствъ будетъ вполне ассимилирована нами. До тѣхъ же поръ едва-ли коканцы осмѣлятся предпринять противъ насъ что-либо рѣшительное.

Далѣе, на западъ, находятся владѣнія бухарскаго и хивинскихъ ханствъ. Съ первымъ мы въ настоящее время въ от-

крытой борьбѣ. Недавнее занятіе безъ выстрѣла такого города, какъ Самаркандъ, показываетъ наглядно все безсиліе бухарскаго эмира, и если коварная политика его будетъ продолжаться, то конечная судьба его владѣній не замедлитъ рѣшиться, и конечно, не въ его пользу.

Судьба Хивы такъ тѣсно связана съ существованіемъ Бухары, что, покончивъ съ одной, въ то же время можно предписывать какія-угодно условія и другой.

Повторяемъ: мы не беремъ предрекать близкій конецъ существованія трехъ названныхъ нами ханствъ; но если бы это и случилось, то дальнѣйшіе наши сосѣди, Китай, Персія и англійская Индія, едва-ли враждебно отнесутся къ нашему сосѣдству. Въ западномъ Китаѣ, смежномъ съ нашими землями, теперь происходитъ инсурекція и чѣмъ она кончится намъ неизвѣстно; но если китайцамъ и удастся усмирить отложившіяся области, то они, конечно, никогда не рѣшатся на наступательныя дѣйствія противъ нашей территоріи.

Съ своей стороны и намъ, вѣроятно, не будетъ повода къ такому рода дѣйствіямъ. Здѣсь отношенія наши могутъ быть не болѣе какъ торговыя.

Относительно Персіи можно сказать, что она будетъ весьма рада, когда смежныя съ нею земли будутъ подчинены власти болѣе сильной чѣмъ Хива: тогда явится возможность прекратить позорный уводъ персіянъ, составляющей прибыльную торговлю для туркменцевъ, кочующихъ въ сосѣдствѣ съ Хивой и преимущественно ей же продающихъ уводимыхъ плѣнныхъ.

Остается сказать о вѣроятныхъ отношеніяхъ нашихъ къ англійской Индіи.

По мнѣнію г. Макшеева, столкновеніе наше съ англичанами можетъ произойти никакъ не ближе горной системы Гиндуку, но и это столкновеніе, по его словамъ, будетъ имѣть, по всей вѣроятности, мирный характеръ: цѣли и призванія наши общія. И мы, и англичане хлопочемъ объ одномъ: о скорѣйшемъ распространеніи и утвержденіи европейской цивилизаціи въ варварскихъ странахъ Азіи.

Итакъ, положеніе, какого достигли мы теперь въ Средней Азіи, во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе того, въ какомъ мы находились около двадцати лѣтъ тому назадъ, когда оборона нашихъ восточныхъ и юго-восточныхъ рубежей, въ сущности, сосредоточивалась на р. Уралѣ и Иртышѣ.

IX.

взглядъ на способъ веденія войны въ степяхъ.

Для полноты нашего очерка намъ остается сказать о способѣ веденія войны въ степяхъ.

Въ Средней Азіи, какъ и вездѣ, на образъ веденія войны имѣютъ главнѣйшее вліяніе характеристическія свойства какъ непріятели, такъ и самой страны.

Въ своемъ мѣстѣ мы уже сказали что такое азіятскія арміи, какъ онѣ вооружены и какъ дерутся, въ полѣ и въ крѣпостяхъ. Съ достаточною подробностью нами были указаны и тѣ особенности здѣшней территоріи, отъ которыхъ зависитъ образъ боя, передвиженіе войскъ, ихъ продовольствіе и пр. Изъ сказаннаго нами объ этомъ предметѣ не трудно было заключить, что громадныя пространства средне-азіятскихъ земель представляютъ вообще почти сплошную равнину маловодныхъ песчаныхъ или солонцоватыхъ степей, по которымъ кое-гдѣ разбросаны небольшіе плодородные оазисы, нерѣдко отдѣленные другъ отъ друга сотнями верстъ безпріютной пустыни.

Само собою разумѣется, что въ такой странѣ походныя движенія войскъ составляютъ самую существенную сторону каждой экспедиціи и потому ихъ стараются облегчить всѣми мѣрами.

Для этого всѣ экспедиціи предпринимаются, по возможности, съ незначительными отрядами. Выступая въ степь необходимо везти за собою все: провіантъ, палатки, снаряды, одежду солдатъ, нерѣдко даже фуражъ и пр. Это-то условіе и заставляетъ избѣгать большихъ отрядовъ; иначе пришлось бы тащить за собою безконечные обозы или караваны, лошади или верблюды которыхъ зачастую оставались бы безъ воды и корму. Отъ того всѣ наши прежніе степные походы производились отрядами, численность которыхъ обыкновенно не превышала 3,000 человекъ (*).

Быть можетъ, намъ замѣтятъ, что проходили же по этимъ степямъ такія полчища, какъ орды Чингисхана, Тимура и др. Да; но не слѣдуетъ забывать, что азіятцы способны очень

(*) Надо замѣтить, что на мѣстахъ теперешняго нашего расположенія, на пространствахъ отъ Ташкента на югъ къ нашимъ границамъ, можно употребить и больше войскъ, ибо степной характеръ мѣстности прекращается и замѣняется плодородными и населенными оазисами. По этой причинѣ генералъ-адъютантъ Крыжановскій и могъ двинуться къ Ура-Тюпе и Дизаку съ отрядами до 6,000 человекъ.

долго переносить голодъ, жажду и другія неудобства въ степныхъ походахъ. Они преимущественно питаются мясомъ, могутъ довольствоваться водою дурнаго качества; они знаютъ гдѣ остановиться для пастбища скота и лошадей, гдѣ есть вода; словомъ, они хозяева степей, тогда какъ мы не болѣе какъ пришлые гости, съ иными привычками и потребностями.

Нашимъ войскамъ, дѣйствующимъ въ степи, главнымъ образомъ приходится: или прикрывать что-либо (транспорты, крѣпости, табуны, вьючный скоть), или же сражаться въ полѣ и брать и оборонять крѣпости. Въ степи у насъ имѣются всѣ роды оружія: пѣхота и кавалерія, съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллеріи. Смотра съ европейской точки зрѣнія, казалось бы, что пѣхота не должна играть большой роли въ походахъ Средней Азіи, такъ какъ непріятель преимущественно конный. Но надобно помнить, что пѣхота лучше переноситъ трудности степнаго похода, чѣмъ кавалерія; для нея обзаводъ требуется меньше; наконецъ, владѣя огнестрѣльнымъ оружіемъ, она способна наносить не только существенный вредъ дурно-дисциплинированной и вовсе необученной непріятельской конницѣ, но пользуясь своимъ нравственнымъ превосходствомъ, даже атаковать ее холоднымъ оружіемъ. Такъ по крайней мѣрѣ неразъ дѣлала наша пѣхота въ полевыхъ сраженіяхъ (Узунъ-Агачъ, Ирджаръ и др.).

Конечно, безъ кавалеріи обойтись нельзя; но чтобы она вполне была намѣстѣ, ее непременно нужно ремонтировать степными лошадьми, а отъ всадниковъ требовать умѣнья дѣйствовать въ пѣшемъ строѣ; слѣдовательно ихъ нужно обучать хорошей и мѣткой стрѣльбѣ. О качествахъ мѣстныхъ лошадей мы сказали выше; здѣсь прибавимъ, что наша степная кавалерія состоитъ исключительно изъ казаковъ, лошади которыхъ совершенно привычны къ степнымъ невгодамъ, а всадники уже неразъ показали свою лихость и стойкость какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строѣ (Ирджаръ, Иканъ и пр.). Артиллерія здѣсь полезна въ особенности той паникой, которую она производитъ на азіатцевъ; но для этого необходимо, чтобы она была возможно-подвижна, т. е. въ небольшомъ числѣ и небольшихъ калибровъ (*). Что же касается до осады крѣпостей, то относительно значенія артиллеріи существуютъ здѣсь

(*) Въ настоящее время, кромѣ крѣпостной артиллеріи, въ Туркестанскомъ военномъ округѣ находятся три батареи (батареяная, облегченная и легкая).

довольно разнорѣчивые взгляды. По мнѣнію однихъ, она едва-ли можетъ приносить значительную пользу, на томъ основаніи, что толстыя, глиняныя стѣны средне-азіатскихъ крѣпостей плохо поддаются дѣйствию артиллерійскихъ снарядовъ и что особое неправильное устройство крѣпостныхъ фронтовъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ позволяетъ артиллеріи продольно ихъ обстрѣливать. Другіе же, напротивъ, полагаютъ, что при осадѣ здѣшнихъ крѣпостей артиллерія можетъ играть весьма существенную роль.

Въ послѣднемъ убѣжденъ и г. Зиновьевъ. Въ его статьѣ по этому предмету мы читаемъ слѣдующее:

„До осенней экспедиціи 1866 года, при нашихъ многочисленныхъ осадахъ средне-азіатскихъ городовъ, обвалы въ стѣнахъ ни разу не пробивались. Между многими коренными туркестанскими артиллеристами существовало даже твердое убѣжденіе, что глиняныя стѣны бухарскихъ и коканскихъ крѣпостей представляютъ среду весьма неудобную и даже невозможную для производства обваловъ. Говорили, что снаряды полевыхъ орудій глубоко уходятъ въ глиняныя стѣны, но самой стѣны нисколько не осыпаютъ. Приводили при этомъ въ примѣръ осаду Ніазбека, осаждаемая которой наша артиллерія выпустила что-то очень много выстрѣловъ, но ничего похожего на брешь произведено въ стѣнѣ не было.

„На основаніи такого мнѣнія, здѣшніе артиллеристы предназначали своему оружію самую скромную роль при осадѣ крѣпостей. Роль ея ограничивали однѣми демонстраціями и бомбардированіями. Она должна была громить, а не бить крѣпостную стѣну. Понятно, что подобная громкая, но бесполезная демонстрація даже на сартовъ производила мало дѣйствія. Скрываясь за своими стѣнами, они очень хорошо понимали полную неэффективность нашего огня, развитіе котораго въ надлежащей степени намъ не позволялъ постоянный недостатокъ въ снарядахъ.

„Осада крѣпостей производилась такимъ образомъ въ простѣйшей формѣ, той формѣ, которая существовала во времена троянской войны.

„Стѣны просто-на-просто эскалаторовались по штурмовымъ лѣстницамъ. Штурмовыя колонны выбѣгали впередъ, неся съ собой эти лѣстницы, спускались по нимъ съ контръ-эскарпа, если ровъ былъ глубокъ, затѣмъ бросали ихъ на стѣну, и

уперевъ подмоги въ эскарпъ, по лѣстницамъ эскалаторовали стѣну. Операція чрезвычайно опасная и рискованная, по причинѣ малаго фронта штурмовой колонны и невыгоднаго положенія относительно употребленія оружія лѣзущими на стѣну солдатами.

„Вслѣдствіе невыгодности, да почти и невозможности произвести полныя рекогносцировки нашими малочисленными отрядами, бывали такіе случаи, что длинныя трехъ или пяти-саженныя штурмовыя лѣстницы оказывались недостаточной длины, что, скажемъ кстати, при огромныхъ профиляхъ бухарскихъ и коганскихъ стѣнъ, дѣло весьма возможное. Пусть представитъ себѣ читатель отчаянное положеніе штурмовой колонны, спустившейся въ ровъ, и тутъ только, бросивъ лѣстницы на стѣну, убѣдившейся, что лѣстницы эти не хватаютъ до верху стѣны, по крайней мѣрѣ, на сажень. Защититься нечѣмъ, а между тѣмъ крѣпостной гарнизонъ бросаетъ на беззащитную колонну камни, горящую смолу и пр., и осыпаетъ ее пулями.

„Нѣкоторые изъ артиллеристовъ, недовѣрявшіе опыту прежнихъ туркестанскихъ осадъ, невѣрившіе, чтобы высокая и отвѣсная глиняная стѣна могла выдержать, не осыпавшись, удары 12-фунтовыхъ ядеръ и полупудовыхъ гранатъ, настаивали на томъ, чтобы подъ Ура-Тюпе испробовать бить обвалы въ стѣнахъ, заложивъ брешь-батареи въ разстояніи на столько отъ нихъ близкомъ, чтобы представилась возможность сдѣлать обвалъ по всѣмъ правиламъ артиллерійскаго искусства.

„Предложеніе это, какъ и всякая вообще новость, не прошло безъ того, чтобы не подвергнуться сильнымъ нападкамъ со стороны приверженцевъ старины. Консерваторы сильно ратовали противъ брешь-батарей. Многіе, впрочемъ, возражали противъ обваловъ не столько изъ консерватизма, сколько вслѣдствіе несогласія этой операціи со взглядомъ на образъ веденія военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, съ давнихъ поръ укоренившимся въ туркестанскихъ офицерахъ. Производство обваловъ казалось имъ слишкомъ большою тонкостью, годною лишь для европейской войны и совершенно лишнею въ войнѣ съ азіятцами.

„Правда, при оригинальномъ складѣ здѣшней страны и военныхъ дѣйствій въ ней предпринимаемыхъ, при многихъ особенностяхъ въ способѣ веденія войны, осаждая бухарскую крѣ-

пость, должно руководствоваться правилами, весьма отличными отъ правилъ Вобана и другихъ европейскихъ полководцевъ; но именно штурмъ по обваламъ, а не эскалада цѣлыхъ стѣнъ, составляетъ необходимую характеристическую черту здѣшнихъ осадъ, условіе, вытекающее изъ особенностей способа веденія войны съ азіятцами, изъ особенностей положенія русскихъ войскъ въ здѣшней странѣ.

„Дѣйствительно, азіятцы не въ состояніи стать лицомъ къ лицу съ русскими войсками въ полево́мъ сраженіи. Какъ бы ни были они многочисленны, они уклонятся отъ натиска самой слабой колонны, если та идетъ смѣло и рѣшительно въ атаку. Одинъ видъ ряда наклоненныхъ штыковъ приводитъ азіятцевъ въ ужасъ. Результатомъ полевого сраженія будетъ всегда полное пораженіе и разсѣяніе бухарцевъ при ничтожной съ нашей стороны потерѣ. Ирджарское сраженіе, гдѣ генералъ Романовскій разбилъ 40,000 бухарцевъ съ потерей лишь 12 человекъ, узугагачское сраженіе, гдѣ столько же почти кокашцевъ разбито генераломъ Колпаковскимъ съ четырьмя ротами и съ такою же почти незначительною потерей, наконецъ послѣднее, яны-курганское, сраженіе, гдѣ силы бухарцевъ, судя по реляціи, были еще больше, а наша потеря еще меньше, достаточно ясно показываютъ, что неудачныхъ полевыхъ сраженій для насъ въ Средней Азіи быть не можетъ, какъ бы ни была велика несоразмѣрность между силами русскихъ и бухарцевъ. Въ открытомъ бою бухарцы разсѣются въ прахъ при первомъ нашемъ движеніи впередъ. Но не должно забывать, что и исходъ такихъ легкихъ побѣдъ по большей части даетъ ничтожные результаты, и разсѣянные въ прахъ азіятцы, по волѣ эмира, весьма легко и скоро собираются вновь, хотя бы для того чтобы опять быть разсѣянными.

„Видимый результатъ въ здѣшней войнѣ получается лишь взятіемъ города или крѣпости (здѣсь нѣтъ неукрѣпленныхъ городовъ). Только взятіемъ города обеспечивается территориальное пріобрѣтеніе, единственный успѣхъ, какой можетъ быть пріобрѣтенъ въ здѣшней странѣ силой оружія.

„Въ этихъ-то городахъ и крѣпостяхъ разсѣянные въ полево́мъ сраженіи скопища азіятцевъ собираются подъ прикрытіемъ высокихъ стѣнъ и глубокихъ рововъ и ждутъ насъ, чтобы оказать свое пассивное, чисто-азіатское сопротивленіе. Не доувѣряя дѣйствительности своего оружія, они прибѣгаютъ къ

огромнымъ фортификаціоннымъ постройкамъ. Они надѣются, что о высокія стѣны и о глубокіе рвы разобьется храбрость нашихъ штурмовыхъ колоннъ, и въ вышинѣ своихъ профилей ищутъ поддержки для своего слабого духа и трусливаго сердца.

„Разсчетъ сартовъ вѣренъ: онъ основанъ на сознаніи собственныхъ силъ, или, вѣрнѣе сказать, собственного безсилія. Неудивительно, что онъ и подтверждался на дѣлѣ. Всѣ наши неудачи, всѣ наши потери въ Средней Азіи были не отъ ихъ слѣпаго огня, не отъ ихъ артилерійскихъ орудій, мало кого убивающихъ, не отъ сабель и пикъ сартовскихъ, а отъ высокихъ стѣнъ и глубокихъ рововъ.

„Штурмъ Ташкента генераломъ Черняевымъ 2-го октября 1864 г. былъ отбитъ съ большою потерей, потому что стѣны остановили нашихъ солдатъ. Одна изъ колоннъ, штурмовавшихъ Ходжентъ, именно колонна капитана Михайловскаго, была отбита и потеряла 80 человѣкъ, потому что штурмовыя лѣстницы не хватили до верху.

„Сравните эти потери съ потерями въ ирджарскомъ, яны-курганскомъ и узунгачскомъ сраженіяхъ, гдѣ, какъ, напримеръ, въ ирджарскомъ сраженіи, были и лучшія войска эмира, и лучшая его артилерія, и результатъ будетъ ясенъ.

„Такимъ образомъ, осада крѣпости есть главная и единственная, къ серьезнымъ послѣдствіямъ ведущая операція, какая предстоитъ нашимъ отрядамъ въ Туркестанской области. Намъ приходится бороться не столько съ азіятскими воинами, сколько съ азіятскими стѣнами, и это выясняетъ важность роли, какую въ туркестанскихъ экспедиціяхъ должна играть артилерія, одна только имѣющая средство сокрушить эти стѣны. Роль ея не должна ограничиваться демонстраціями, едва ли когда-либо и гдѣ-либо приносящими пользу. Ея назначеніе обезпечивать успѣхъ осады и дать возможность купить его не слишкомъ дорогою цѣной, замѣняя непроезжимую потерю людей производительной тратой снарядовъ.

„Кто былъ участникомъ или свидѣтелемъ эскалады крѣпостной стѣны, тотъ знаетъ, до какой степени каждый лишній футъ въ высотѣ профили увеличиваетъ затрудненія штурмовой колонны, до какой степени велика должна быть храбрость и увлеченіе солдатъ, которые, по спускѣ въ ровъ, видятъ предъ собой вертикальную стѣну въ шесть или семь сажень вышины. На

эту стѣну приходится взлѣзать не имѣя возможности употребить въ дѣло свое оружіе, въ то время, когда камень, пусть онъ брошенъ даже дрожащею рукой сарта, выводитъ изъ строя по нѣскольку человѣкъ разомъ.

„Уничтожить эти стѣны, самое надежное и единственное опасное оружіе азіятца, поставить робкихъ сартовъ лицомъ къ лицу съ нашими штурмовыми колоннами — вотъ главное назначеніе артилеріи въ здѣшнихъ кампаніяхъ“.

Инженерныя войска здѣсь необходимы, какъ при осадѣ и оборонѣ крѣпостей, такъ и для починки дорогъ, мостовъ при переправахъ черезъ частыя оросительныя каналы.

Кромѣ того, при нашихъ войскахъ находятся нерѣдко конные отряды киргизовъ (джигиты), которыхъ весьма часто употребляютъ для развѣдыванія о неприятелѣ и пр.

Джигитами называютъ здѣсь конныхъ милиціонеровъ, набранныхъ изъ нашихъ киргизовъ. Нѣкоторые изъ нихъ не разъ отличались своею храбростью, показывающею, что въ киргизахъ нѣтъ недостатка въ извѣстной силѣ духа и жизненности, которой совершенно не встрѣчается въ нравственно-одрачлѣвшихъ сартахъ.

Значительные обозы при войскахъ составляютъ неизбѣжное зло каждой экспедиціи.

Они до того затрудняютъ движеніе войскъ, что въ прежнее время для уменьшенія ихъ, при долгомъ походѣ и на большія разстоянія, заблаговременно устраивали въ степи даже передовые складочные пункты (*) Теперь, когда мы прошли степное пространство, въ такого рода пунктахъ намъ конечно нѣтъ надобности, но все же и теперешніе обозы слишкомъ еще велики.

Причины, какъ мы уже сказали, заключаются въ томъ, что по мѣстнымъ условіямъ края приходится тащить съ собою огромные запасы всякаго рода.

Вотъ что, между прочимъ, по этому предмету мы читаемъ въ статьѣ г. Зиновьева:

„Имѣя одинъ рядъ запряженныхъ ящиковъ, мы везли съ собою два полные боевые комплекта для артилерійскихъ орудій и полтора комплекта патроновъ. У насъ былъ большой запасъ провіанта и двухнедѣльная дача сухарей. Сверхъ того

(*) Въ походъ Перовскаго (1839 г.) съ этою цѣлью были устроены укрѣпленія Эмбинское и Акбулакское.

мы везли, при частяхъ, теплую одежду для нижнихъ чиновъ. Въ ротномъ обозѣ на каждаго человѣка имѣлось по шинели и полушубку. Не имѣя никакого понятія о странѣ, куда мы углублялись, нѣкоторые командиры брали съ собою не только ячмень, но даже сѣно для упряжныхъ коней. При подъемѣ отряда изъ Ташкента и Ходжента, всѣ усилія командировъ направлены были къ тому, чтобы какъ-нибудь утянуть себѣ побольше арбъ изъ общаго числа доставленныхъ городами Ташкентомъ и Ходжентомъ.

„Вслѣдствіе всего этого у насъ въ общемъ вагенбургъ на трехъ съ половиною тысячный отрядъ было около 600 арбъ и 800 верблюдовъ, не считая арбъ и верблюдовъ штаба и офицеровъ, представлявшихъ также цифру весьма почтенную, потому что здѣшніе офицеры, которые большую часть своей жизни проводятъ въ походахъ, для которыхъ походная жизнь стала нормальною, естественно стараются и, сказать правду, умѣютъ устроиться на походѣ весьма комфортабельно. Каждый почти бралъ съ собою свою повозку, на которой нагружена была палатка или юрта, складная кровать и пр.

„Прибавивъ къ этому огромному числу арбъ и верблюдовъ ротный обозъ, казенныя фуры, легко себѣ представить какую неуклюжую кишку представлялъ нашъ отрядъ. Если счесть всѣ арбы и повозки отряда, то среднимъ числомъ навѣрное приходилось на каждаго пѣхотнаго солдата отряда по повозкѣ или по верблюду.

„Посреди этого огромнаго вагенбурга малочисленныя наши роты, каждая человѣкъ въ 180, 120 или даже 100 человѣкъ, положительно исчезали.

„Вѣда, бывало, попасть въ аріергардъ такого отряда, въ особености если дорога дурна и начнутъ ломаться арбы, или затягиваться запряженные въ нихъ копи: волею-неволею придется останавливать аріергардъ изъ-за каждой поломавшейся арбы или зартачившейся, по причинѣ нажженныхъ плечъ, лошади. Какъ ни хлопочи тогда, но раньше полуночи на ночлегъ поспѣть невозможно, а не совсѣмъ пріятно попадать на ночлегъ въ 12 часовъ, когда въ 6 часовъ трубится подъемъ.

„Колонна наша, такимъ образомъ, не могла даже имѣть претензій походить на военный отрядъ. О красотѣ фронта, котораго ищутъ въ войскахъ люди выработавшіе свой вкусъ на строевыхъ европейскихъ ученьяхъ, въ отрядѣ нашемъ не было

и помину. На нижнихъ чинахъ кителя, бывшіе когда-то бѣлыми; но и тутъ, нѣтъ, нѣтъ, да и прорвется между кителями красная или синяя полосатая рубашка. Кожаные шаровары или, какъ ихъ называютъ здѣсь, чамбары, заправленные въ сапоги. Цвѣтъ этихъ шароваръ, бывший когда-то краснымъ или желтымъ, выгорѣлъ и сталъ совершенно неопредѣленнымъ. Бороды у всѣхъ, даже у офицеровъ, не бритыя.

„Офицеры въ костюмахъ совершенно произвольныхъ: кто въ красной рубашкѣ, кто въ полушубкѣ, кто въ бѣлой блузѣ, а попадаются иногда совершенно фантастическіе костюмы, въ родѣ какого-нибудь камзола. Если же прибавимъ ко всему этому толстый слой пыли, покрывающій кителя, рубашки, камзолы и физиономіи, то нельзя не придти къ заключенію, что общій видъ нашего отряда представлялъ столь же живописную картину, сколь некрасивый фронтъ.

„Но да не заподозрять меня въ желаніи сдѣлать укоръ здѣшнимъ войскамъ. Понятіе о красотѣ—вещь относительная. Оригинальная наружность здѣшнихъ войскъ, ихъ, можетъ быть, нѣсколько распушенная осанка сложились подъ влияніемъ обстоятельствъ, бороться противъ которыхъ значило бы идти наперекоръ порядку вещей“ (*).

Перевозка тяжестей производится на верблюдахъ, лошадахъ и волахъ (**).

(*) Надо помнить, что при страшныхъ жарахъ здѣсь единственное спасеніе, какъ для офицеровъ, такъ и для солдатъ—возможно-легкая одежда. Отъ того войска наши обыкновенно совершаютъ походы постоянно въ однихъ рубашкахъ и въ боевой амуниціи, всю же верхнюю одежду и ранцы везутъ въ обозѣ. Замѣчательно, что подобный костюмъ былъ принятъ для нашихъ степныхъ походовъ при генералѣ Обручевѣ, большимъ формалистѣ.

(**) Верблюды для перевозки тяжестей въ степныхъ походахъ самое удобное животное, а между тѣмъ войска съ большою неохотою берутъ верблюдовъ для перевозки. Это потому, что на нихъ не великую кладь можно возить съ одинаковымъ удобствомъ. Для равномерной укладки на верблюда груза нужно много сноровки и аккуратности, иначе весьма легко можно сбить ему спину, послѣ чего онъ уже негоденъ. Кромѣ того животныя эти лѣнны, упрямы и апатичны до крайности. Заставить верблюда прибавить шагу или поднять его, когда ему вздумается полежать—дѣло весьма не легкое, чего не всегда могутъ добиться даже опытные вожатые, или лаучи, какъ ихъ здѣсь называютъ. Отсюда является необходимость имѣть при войскахъ, кромѣ верблюдовъ, повозки или арбы. Эти двухколесныя повозки тѣмъ удобны, что онѣ съ гораздо большею легкостью, чѣмъ наши четырехколесныя телги, преодолеваютъ арыки (канавы), часто попадающіяся на средне-азиатскихъ дорогахъ. Для возки послѣднихъ запрягаютъ воловъ или лошадей. Волъ везетъ больше чѣмъ лошадь, но онъ идетъ тише ея, что неудобно при походахъ; при томъ волъ въ жаркое время выпиваетъ до 12 ведеръ воды, тогда какъ лошадь всего 3 ведра. Поэтому на волахъ перевозятъ тогда, когда не тре-

Само собою, что войска, имѣя возможность складывать на подводы ранцы и верхнюю одежду, двигаются весьма быстро: даже во время обыкновенныхъ переходовъ они проходятъ по 40 и 50 верстѣ ежедневно, нерѣдко безъ дневокъ, такъ какъ частыя дневки здѣсь невыгодны, ибо, увеличивая время похода, пришлось бы увеличить и обозъ подъ провіантъ и другія потребности. Привалы также считаются неудобными въ степи. Длинные переходы, впрочемъ, мало утомляютъ войска, и больные и усталые въ отрядахъ случаются весьма рѣдко (*). Здѣшнія войска ходятъ скоро еще и потому, что въ походѣ строгаго порядка соблюдать нѣтъ надобности: въ открытой степи внезапное появленіе непріятеля—невозможно.

Главное препятствіе при движеніи по степи составляетъ недостатокъ въ водѣ, и хотя зимою ее можетъ замѣнить снѣгъ, но зимніе походы на дальнее разстояніе производятъ опасно, чему можетъ служить примѣромъ походъ Перовскаго (1839—1840 г.) и Черняева подъ Дизакъ (1866 г.). Лучшимъ временемъ для экспедицій считаются весна и осень. Особенно удобны весенніе походы, когда еще трава не успѣла высохнуть и когда вездѣ можно найти воду.

Темнота южныхъ ночей и то обстоятельство, что вьючный скотъ, котораго при отрядахъ всегда много, можетъ пастись только ночью, совершенно исключаютъ возможность ночныхъ походовъ. Лучшій походный порядокъ въ степи считается каре; но его рѣдко соблюдаютъ, и въ этомъ строѣ располагаются лишь на бивуакахъ и ночлегахъ.

Относительно движенія обоза слѣдуетъ замѣтить, что неудобно соединять различные роды обозовъ въ одну колонну, ибо каждый родъ животныхъ имѣетъ свой различный ходъ: буется быстрота слѣдованія и обозы могутъ идти отдѣльно отъ войскъ. Обозы же слѣдующіе при войскахъ лучше перевозить на лошадяхъ.

Какъ велики бываютъ обозы можно видѣть изъ слѣдующаго расчета: отрядъ изъ 100 человекъ, принявъ въ день по 2 фунта провіанта, а въ мѣсяцъ—на человека 1½ пуда, итого на 100—150 пудовъ. Верблюды же могутъ поднять не болѣе 12 пудовъ; на 100 человекъ, слѣдовательно, необходимо, съ двумя запасными, 14 верблюдовъ.

Фуража на 100 лошадей нужно около 100 четвертей въ мѣсяцъ (считая по 2 гарнца въ день на лошадь), для перевозки котораго, значить, понадобится до 55 верблюдовъ. Положимъ, что зерновой фуражъ почти никогда не возится, но часто его необходимо возить, ибо при неизмѣннѣй подножнаго корма онъ бываетъ крайне необходимъ.

(*) См. статью г. Зиновьева, „Русскій Вѣстникъ“, 1863 г., № 3, стр. 155.

верблюжій обозъ идетъ 5 верстѣ, воловій 3 версты; поэтому лучше всего предоставлять двигаться каждому обозу отдѣльно.

Изъ сказаннаго не трудно заключить, что во время передвиженій отрядовъ въ степи главную заботу составляютъ обозы, и войска обращаются какъ бы въ прикрытіе ихъ. Это важнѣйшая тягота для солдатъ; что же касается до сторожевой службы, то при степномъ характерѣ мѣстности она легка и незначительна, ибо часто достаточно одного пикета, чтобы вполне обезпечить отрядъ отъ нечаяннаго появленія непріятеля. Гораздо труднѣе караульная служба при табунахъ, которые необходимо бываетъ прикрывать ночью во время пастбы скота. Впрочемъ, если мѣстность позволяетъ, т. е. если есть вездѣ трава, то вьючный скотъ на ночлегахъ оставляютъ внутри каре. Караулы здѣсь необходимы также у колодезь, въ маловодныхъ мѣстахъ: при безпорядкѣ можетъ не хватить воды. Все это показываетъ, что караульная служба велика и тяжела для здѣшнихъ войскъ.

Изъ сказаннаго, однакожь, не слѣдуетъ, что служба нашихъ здѣшнихъ войскъ только и состоитъ въ охраненіи транспортовъ, содержаніи карауловъ и въ легкой побѣдѣ надъ непріятелемъ. Далеко нѣтъ. Прямая обязанность здѣшняго солдата—показная сторона дѣла; но стоитъ повернуть медаль на другую сторону, чтобъ увидѣть какія почги нечеловѣческіе труды несутъ здѣсь наши войска въ дни такъ называемаго мирнаго времени.

Небывавшему въ Киргизской степи нельзя даже представить себѣ громадность этихъ гигантскихъ трудовъ, которые на плечахъ своихъ, одни, безъ всякой помощи, вынесли здѣшніе линейные баталіоны.

Вотъ что, между прочимъ, мы читаемъ въ статьѣ г. Зиновьева: „Давно, очень давно, еще во время графа Перовскаго, 4-й линейный баталіонъ выступилъ изъ Оренбурга въ Киргизскую степь. Прошли десятки лѣтъ, и баталіонъ, медленно, настойчиво подвигался впередъ, отъ Оренбурга почти до китайской границы, на каждомъ шагу выдерживая борьбу то съ людьми, то съ природою. Прѣзжая нашу безконечную среднеазиатскую пограничную линію, вы встрѣтите форты, казармы, дома, склады, пристани. Каждый камень, каждое бревно, каждая горсть земли этихъ многочисленныхъ построекъ, отъ Орска до Дизаха, положены руками нашихъ солдатъ. И все это, за-

мѣтете, въ то время, когда приходилось чуть-ли не ежедневно отбиваться отъ несмѣтныхъ коканскихъ полчищъ, штурмовать пятисаженные стѣны ихъ городовъ и крѣпостей, томиться жаждою подъ 40-градуснымъ зноемъ безводныхъ степей.“

Если теперъ припомнимъ, что въ какія-нибудь двадцать лѣтъ всего семь баталіоновъ оренбургскаго и сибирскаго войскъ успѣли не только покорить, но и обстроить громадное пространство отъ Урала до Небесныхъ горъ, то поистинѣ нельзя не удивляться силѣ, мощи и терпѣнію русскаго солдата и его нравственному превосходству, въ которомъ въ сущности и заключается секретъ нашихъ богатырскихъ, почти сказочныхъ побѣдъ надъ туземными полчищами.

Посмотримъ, однако, какъ бьются наши войска съ азіятцами и какихъ тактическихъ правилъ они придерживаются въ открытомъ полѣ и у стѣнъ здѣшнихъ крѣпостей.

Азіятцы, какъ мы уже замѣтили, вообще не большіе охотники до боя въ открытомъ полѣ; чаще они ищутъ защиты за толстыми стѣнами своихъ городовъ и крѣпостей. Если же отваживаются появляться въ полѣ, то не иначе какъ въ громадныхъ массахъ. Приблизясь къ отряду, они стараются окружить его со всѣхъ сторонъ, отрѣзать отъ воды, отбить табунъ, захватить въ плѣнъ неосторожныхъ; атаку же производятъ нестройною толпою и встрѣченные огнемъ, особенно картечью или ударомъ въ штыки, тотчасъ же поворачиваютъ назадъ и въ безоглядномъ бѣгствѣ на своихъ степныхъ коняхъ ищутъ спасенія. Такіе примѣры, какъ полевые сраженія при Кумъ-Суатѣ, подъ Акмечетью (1853 г.), Узунъ-Агачемъ (1861 г.), Ирджаромъ (1866 г.), Самаркандомъ (1868 г.) и проч., лучше всего свидѣтельствуютъ о младенчествѣ военнаго дѣла у азіятцевъ. Это-то отсутствіе стойкости въ непріятелѣ, породивъ въ войскахъ нашихъ глубокое презрѣніе къ его военному искусству, способствовало къ выработкѣ здѣсь того взгляда, что съ азіятцами лучше всего *идти на проломъ* и весь успѣхъ боя возлагать на личную храбрость. Здѣшніе боевые офицеры — говоритъ г. Зиновьевъ — съ охотою готовы жертвовать всѣми правилами и дѣлать тактическія ошибки, если только ошибка можетъ дать исходъ необузданной храбрости войскамъ. Маневръ, гдѣ порывистое и необузданное движеніе впередъ на первомъ планѣ, чрезвычайно симпатиченъ нашимъ боевымъ туркестанскимъ офицерамъ.

„Образованіе подобнаго взгляда—продолжаетъ г. Зиновьевъ— совершенно естественно и отчасти основательно. Дѣйствительно, успѣхамъ нашимъ мы обязаны не усовершенствованному оружію, не военному техническому воспитанію, а преимущественно личной храбрости нашихъ войскъ. Отнимите у нашихъ солдатъ нарѣзные ружья и дайте имъ пики временъ Александра Македонскаго, они будутъ бить бухарцевъ и коканцевъ точно такъ же, какъ били до сихъ поръ, какъ билъ во времена оны полчища персовъ тотъ же Александръ Македонскій горстью своихъ македонянъ. Съ того времени азіятцы ушли впередъ весьма немного. Но естественно, что взглядъ этотъ грѣшитъ одно-сторонностію.

„Бережливость въ людяхъ есть первое условіе войны въ Средней Азій. Дальность экспедицій, предпринимаемыхъ часто за сотни верстъ отъ нашихъ здѣшнихъ военныхъ центровъ, затруднительность пополненія убывающаго комплекта, все это краснорѣчиво говоритъ въ пользу необходимости беречь людей. Но именно съ этой точки зрѣнія получаютъ особенно важное значеніе рекогносцировки, сообразное употребленіе усовершенствованнаго оружія и вообще тѣ залоги вѣковаго военнаго быта, которые составляютъ, такъ называемыя, тонкости военнаго искусства. Должно помнить, что, вслѣдствіе особенной, оригинальной организаціи азіятскихъ правительствъ, выигранное сраженіе, взятіе лишней крѣпости, даже занятіе и полное покореніе обширной провинціи никогда не ведетъ за собой такихъ важныхъ для общаго хода войны результатовъ, какъ это бываетъ въ европейской войнѣ. Потому искусство военачальника заключается здѣсь не въ томъ, чтобы взять городъ, выиграть сраженіе, а въ томъ, чтобы взять городъ, выиграть сраженіе съ наименьшею потерей русской крови“.

Остается опредѣлить и формулировать немногосложныя операціи, составляющія сущность осады здѣшнихъ крѣпостей. Осада заключается въ томъ, чтобы, воспользовавшись безпечностью азіятцевъ, непониманіемъ ими значенія караульной службы, незнаніемъ нормальныхъ и существеннѣйшихъ основаній осады, слабостью калибровъ ихъ артиллерійскихъ орудій и ничтожнымъ ихъ, за неимѣніемъ разрывныхъ снарядовъ, дѣйствіемъ по землянымъ насыпямъ, заложить брешь батарею въ возможно-близкомъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ разстояніи; затѣмъ, пробивъ въ стѣнѣ обвалъ и обсыпавъ землю на берму, ко-

торая въ азіятскихъ крѣпостяхъ дѣлается иногда весьма широко, надлежитъ собрать штурмовыя колонны на батарею и внезапно бросить ихъ на брешь. Если все это исполнено, то достаточно горсти охотникамъ появиться на стѣнѣ самой, по-видимому, недоступной крѣпости, чтобы рѣшить ея паденіе. Чтобы дать понятіе о ходѣ самаго штурма средне-азіятскихъ крѣпостей, обращаемся къ живому и мастерскому разсказу г. Зиновьева о взятіи крѣпости Дизака.

„По мѣрѣ приближенія двѣнадцати часовъ—говоритъ г. Зиновьевъ—мы стали ослаблять нашъ огонь, желая усыпить вниманіе бухарцевъ. На джизагской стѣнѣ также стало тише. А между тѣмъ, въ ожиданіи штурма, на батарею стала собираться публика, точно на какой-нибудь спектакль. Людямъ уже было объявлено о часѣ штурма. Пришедшіе давали совѣты участникамъ какъ ставить лѣстницы, какъ употребить веревки. На площадкѣ батареи легли принесенныя откуда-то огромныя штурмовыя лѣстницы. До штурма остается всего пять-семь минутъ. Роты, назначенныя въ штурмовую колонну, придвигаются къ батарее. Людей разстнавливаютъ около лѣстницъ; они молча занимали свои мѣста. На всѣхъ лицахъ видна какая-то серьезная сосредоточенность. Кое-кто крестится. Среди общей тишины слышится наконецъ ни тихо, ни громко произнесенная команда начальника колонны: *господа, выводите роты*. Вотъ уже подняли лѣстницы и молча выходятъ на эспланаду рота за ротой, перешагнувъ чрезъ опрокинутыя туры траншеи. Предположеніе генерала Романовскаго оправдалось. Сарты никакъ не ждали штурма. Люди успѣли пройти саженъ двадцать, и только тогда загорѣлась огнями джизагская стѣна. Роты пошли бѣгомъ съ обычнымъ *ура*. Резервъ, артилерійская прислуга, окончившая свое дѣло, всѣ повысунулись изъ-за брустверовъ, не обращая вниманія на пули, густо-летѣвшія со стѣны. Притаивъ дыханіе, не смѣя оторвать глазъ, зорко смотрятъ они, нетерпѣливо ожидая готовящейся развязки кровавой драмы. У зрителей невольно вырываются отрывистыя замѣчанія и поясненія всему, что происходитъ. Вижу: шаговъ пятнадцать впереди своей роты летитъ храбрый К*, своею блестящею отвагой безпрестанно вырывая громкія *ура* и восторженные клики: *молодецъ*. Вотъ онъ уже спустился въ ровъ и исчезъ на одно мгновеніе, вотъ уже изъ-за головъ штурмовой колонны, толпящейся на контръ-эскарпѣ, видна его фу-

ражка, видно какъ онъ поднялся по лѣстницѣ и лѣзетъ по брешу, стрѣляя изъ револьвера по бухарцамъ, стоящимъ на стѣнѣ и уставившимъ на него пики: „Огнемъ въ нашихъ кидаютъ“, замѣчаетъ рядомъ со мной стоящій артилеристъ. „К* упалъ!“ вскрикиваетъ кто-то, съ другой стороны. „Нѣтъ, опять поднялся“, отвѣчалъ другой голосъ. Прикрытіе не выдержало. Точно сговорившись, безъ всякой команды, кинулись люди съ батареи и бѣгомъ пошли на обвалъ съ криками *ура* (*).

Съ пятидесятихъ годовъ намъ часто приходилось осаждать и брать города и крѣпости Средней Азіи. Успѣхъ этихъ осадъ, по мнѣнію г. Макшеева, значительно увеличился съ тѣхъ поръ, когда мы, переставъ тратить много времени на правильныя осады, стали прибѣгать къ открытымъ штурмамъ (**).

Необходимость штурма отчасти обусловливается еще и тѣмъ, что намъ нельзя тратить много артилерійскихъ снарядовъ, бережливость которыхъ есть первая необходимость при здѣшнихъ дальнихъ походахъ.

По замѣчанію же г. Зиновьева, многіе изъ туркестанскихъ офицеровъ даже противъ предварительныхъ обваловъ въ крѣ-

(*) „Русскій Вѣстникъ“, іюнь.

(**) Приводимъ здѣсь данныя, которыя могутъ наглядно убѣдить въ справедливости этой мысли.

Годы.	Окружность города вала.	Число лигелъ.	Число дней осады.	Число русск. войскъ осаж- давшихъ крѣпость.	Наша потери.	Убит.	Ранен.
1853	Алмечеть 200 саж.	300	26	2,000	25	75	
	(Г. Перовскій.)						
1860	Пишпекъ 500 —	500	5	2,500	1	7	
	(Г. Цимерманъ.)						
1864	Туркестанъ 3 —	6,000	4	2,000	5	33	
	(Г. Веревкинъ.)						
—	Аудіеати 3 —	1,000	2	2,000	—	5	
—	Чемкентъ 6 —	4,000	3	3,000	6	41	
1865	Ніазбекъ 160 —	?	2	2,500	—	10	
—	Ташкентъ 24 версты.	64,000	1	3,000	25	17	
1866	Ходжентъ 10 —	20,000	7	4,000	11	122	
	(Г. Романовскій.)						
—	Ура-Тюпе 6 —	15,000	9	6,000	17	210	
—	Дизакъ 3 —	6,000	6	5,000	6	92	
	(Крыжанов- скій.)						

постныхъ стѣнахъ. По ихъ мнѣнію, это только затягиваетъ время и ведетъ къ напрасной тратѣ людей.

Несправедливость такого воззрѣнія г. Зиновьевъ старается доказать тѣмъ фактомъ, что при осадѣ крѣпости Ура-Тюпе наши войска, штурмовавшія крѣпостную стѣну по лѣстницамъ, потеряли до 150 человекъ, тогда какъ другая колонна, ворвавшаяся въ городъ по предварительно пробитому обвалу, лишилась только пяти человекъ.

Основывая на бывшихъ примѣрахъ, лучший способъ защиты какого-либо занятаго нами пункта—это активная оборона. Слѣдуетъ стараться, выйдя изъ крѣпости, атаковать осаждающаго непріятеля въ открытомъ полѣ, какъ и было сдѣлано подполковникомъ Огаревымъ въ 1853 году, при защитѣ форта „Перовскій“. Высланный имъ отсюда незначительный отрядъ, подъ командою маіора Шкупа, разбилъ наголову огромное скопище коганцевъ и тѣмъ заставилъ ихъ отступить отъ крѣпости.

Изъ всего сказаннаго нами не трудно, кажется, прійти къ заключенію, что занятіе средне-азиатскихъ земель совершенно нами далеко не изъ одной суетной страсти къ легкимъ завоеваніямъ и громкимъ побѣдамъ. Мы идемъ на востокъ въ силу неизбѣжнаго естественнаго закона цивилизаціи: народы образованные никогда не уживались рука-объ-руку съ варварами, и если первые чувствовали въ себѣ силу и мощь то всегда высылали къ послѣднимъ своихъ піонеровъ для водворенія между ними обще-человѣческихъ понятій о государствѣ и обществѣ. Такими піонерами у насъ въ Средней Азіи, безспорно, слѣдуетъ считать наши доблестныя войска, и вотъ почему ошибаются тѣ, которые считаютъ здѣшнія побѣды легкими, а награды за нихъ щедрыми. Сущность дѣла не въ громкихъ и легкихъ побѣдахъ, а въ той самоотверженной тяжелой борьбѣ, которую выносятъ наши войска во имя просвѣщенія далекаго, темнаго и полудикаго Востока.

*

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

XXIII (*).

Обложеніе Варны и Силистріи.—Извѣстія, полученные императоромъ отъ графа Паскевича.—Дѣла подъ Шумлою.—Отъѣздъ императора изъ шумлинскаго блокаднаго лагеря въ Одессу.

Извѣстія, полученные въ главной квартирѣ, съ 9-го по 14-е іюля, о событіяхъ на разныхъ пунктахъ театра войны, подтверждали, повидимому, надежды графа Дибича на скорое и успѣшное окончаніе кампаніи. Генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ, прибывъ подъ Варну, занялъ, несмотря на упорное сопротивленіе турокъ, сады и высоты, господствующія надъ крѣпостію съ сѣвера, со стороны суши; но какъ отрядъ его не былъ достаточно силенъ для отраженія безпрестанныхъ атакъ, стоившихъ потерь и утомлявшихъ войска, то онъ приказалъ построить редуты въ центрѣ своей позиціи и прикрылъ свой лѣвый флангъ линіей ретраншаментовъ. Послѣ этого Сухтеленъ могъ, до соединенія со второю бригадою 7-й пѣхотной дивизіи, которую генералъ-лейтенантъ Ушаковъ велъ изъ Мангаліи, отбивать вылазки гарнизона, предпринимавшіяся съ цѣлію впустить въ городъ подкрѣпленіе изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ регулярныхъ войскъ и выпустить значительные транспорты снарядовъ, незамѣтно направленные по бургасской дорогѣ. Тѣмъ не менѣе Варна была обложена съ сѣвера, и генералъ Ушаковъ принялъ начальство надъ блокадою до прибытія князя Меншикова, которому императоръ поручилъ осаду крѣпости. Флотъ адмирала Грейга, назначенный блокировать

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., №№ 10—12, и 1868 г., №№ 1, 3—8